

ДО ГОРИЗОНТА И ОБРАТНО

СКИФИЯ

Александр Ларин
Евгений Толчиев
Марина Куприянова
Шаран Дашаев
Евгений Ливада
Михаил Синягин
Маргарита Левина
Константин Белый
Ольга Ершова
Татьяна Богданова
Антон Задорожный

София Март
Нина Матвеева-Пучкова
Виктор Пучков
Виктор Мирошниченко
Александр Осень
Александр Селляр
Тимофей Сергейцев
Людмила Зайцева
Евгений Форт
Игорь Васильев
Лидия Степанова

Антология
Нари Ади-Карана
До горизонта и обратно
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24720851

До горизонта и обратно: антология. / Ред.-сост. Нары Ади-Карана. –

«», . : Скифия; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-00025-106-5

Аннотация

Мы путешествуем на лазерной снежинке души, без билета, на ощупь. Туда, где небо сходится с морем, где море сходится с небом. Через мосты и тоннели, другие города, иную речь, гостиницы грез, полустанки любви... – до самого горизонта. И обратно. К счастливым окнам. Домой.

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира. Публикация происходит на конкурсной основе.

Содержание

Иная речь – другие города	8
София Март	10
Москва – Париж	11
Не все дома	27
Нина Матвеева-Пучкова	50
Ян Скацел (1922–1989), чешский поэт, прозаик, переводчик	51
Зноровы в ночи	51
Хорошие вещи	53
Разрыв	54
Второе стихотворение о Луне и человеке	55
Бабье лето	56
Юзеф Баран (род. 1947), польский поэт	57
Письмо	57
Страх	58
Сквозь мир идущим зов	58
Вновь...	59
Потихоньку...	59
Ах сердце...	60
Солнце движется...	61
Влюбленный открыватель	61
Школьная фотография	63
Бог так одинок	64

Полет	65
Баллада об эмигрантах	66
Пьеса дом	68
Казимеж Швегодский (род. 1943), польский поэт, литературный критик, философ	69
Вещи	69
Ян Вагнер (род. 1971), немецкий писатель и переводчик	71
Вариации на тему бочки с дождевом водой[2]	71
Ян Твардовский (1915–2006), польский священник, поэт; сам себя называл «ксендзом, который пишет стихи».	76
Участник кровопролитного Варшавского восстания 1944 года	
Предостережение	76
Великая малая	76
Важно	77
Когда говоришь	77
Виктор Пучков	79
Из цикла «По городам и весям»	81
Афины	81
Барселона и Рио-де-Жанейро	81
Весенняя Вена	82
Екатеринбург	82
Закопане	82

Иркутск	83
Квебек-Сити	83
Кембридж	83
Киев	84
Край света	84
Москва	84
Новосибирск	85
Осло	85
Стамбул	85
Сыктывкар	86
Тула	86
Уфа	86
Уфа	87
Фрайберг	87
Франция – Испания	87
Хельсинки	88
Чехия и Прага	88
Китай	88
По белу свету	89
Молодость	89
На Канине Камне – туман	90
К ночи	91
Карты предстоящей экспедиции	92
Буровая	93
Труба	95
Песенка вечного туриста	96

Горы	97
Зов тайги	98
По Кожь́му	99
Там, где нас нет	101
Острова в океане	104
Пейзаж с видом на Везувий	105
Дары моря	106
Гауди (из каталонского цикла)	107
Невозвратимая страна	107
Мосты и тоннели	109
Виктор Мирошниченко	110
Технология лекарства	111
Путешествие по эпохам (подлинная история Джосера и Хатшепсут)	126
Конец ознакомительного фрагмента.	153

До горизонта и обратно: антология Редактор-составитель Нари Ади-Карана

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году Том 9

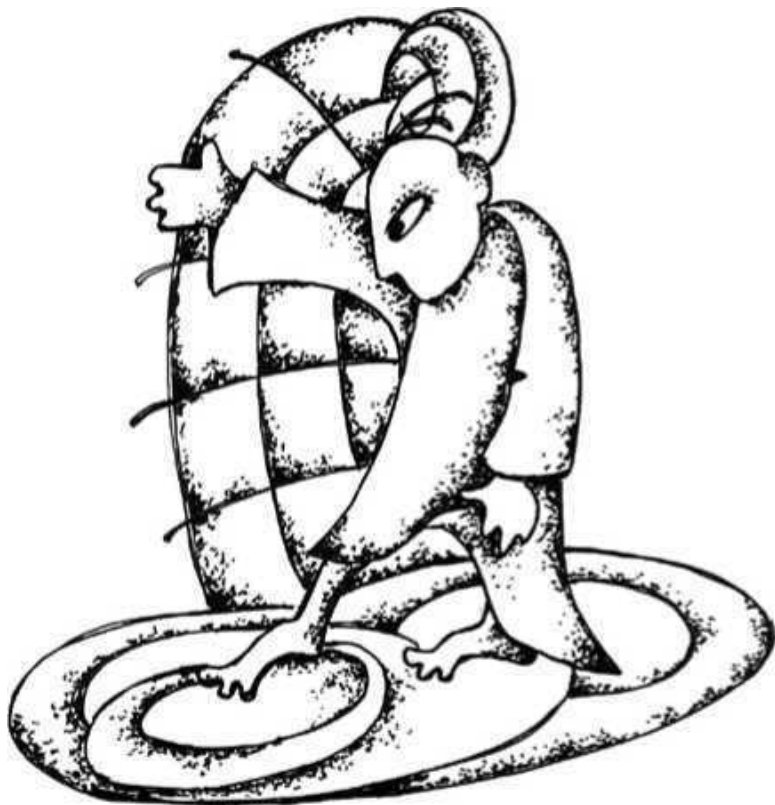
Издательство приглашает авторов к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки на конкурс принимаются по адресу электронной почты: skifiabook@mail.ru.

Подробности условий конкурса можно прочитать на издательском сайте: www.skifiabook.ru.

При оформлении обложки использованы фрагменты графики О. Еришовой

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Иная речь – другие города

Содержание цикла:

София Март

Нина Матвеева-Пучкова

Виктор Пучков

София Март г. Москва

Журналист и писатель. Дебютный сборник рассказов «Ослепительный штиль» вышел в 2012 году; новая повесть автора «Острая кромка» опубликована отдельной книгой в издательстве «Беркхаус» и мультимедийном издательстве И.

Стрельбицкого в 2016 году.

Из интервью с автором:

Верю в то, что жизнь – это путь.

Смотрю по сторонам во все глаза, люблю долгие разговоры с попутчиками, коллекционирую впечатления и истории незнакомцев. Лучшие из них записываю.

© Март С., 2017

Москва – Париж

Я проснулась в Париже. На соседней подушке – Саша, моя университетская подруга, с которой мы дружим уже 8 лет. Должны же в жизни быть хоть какие-нибудь константы.

Когда люди говорят о городах, испестованных мировой любовью – как Париж, Венеция, Нью-Йорк, Петербург, да тот же Львов, – мне всегда обидно за нелюбимые города. Как Москва или Бобруйск – которые вечно то ругают, то общучивают. И вот такие города я всегда с особым рвением стремлюсь полюбить. Хочется их увидеть, почувствовать, просто дать им выговориться.

Так что в Париж я приехала с предубеждением, вооружившись большой графой, в которой давно пора было поставить галку.

Мы приехали в 6 вечера 8 марта. Это было вполне нормально: в России никто не расстроился, что мы не дали ему шанса поздравить нас хорошенько. В Париже нас встретили теплый ветер, полнолуние и целующиеся люди на всех улицах.

Совсем недавно по радио услышала, что во Франции до сих пор не отменен закон, запрещающий целоваться на перронах. Он был введен еще в XIX веке, потому что поезда постоянно опаздывали из-за долгих прощаний влюбленных, и до сих пор на большинстве вокзалов можно найти таблички, где написано, что целоваться запрещено, – более того, почти на всех вокзалах были предусмотрены специальные места для прощания. Однако закон не предписывал никаких санкций за его нарушение, поэтому его никто и никогда не соблюдал.

Мы сняли крошечную квартиру на рю Люлли, в доме напротив Национальной библиотеки Ришелье. Открыв дверь своего временного дома на мансарде, мы улыбнулись: как только мы зашли, квартира сразу кончилась. Должно быть, примерно в таком месте жил герой «Шагреновой кожи» Бальзака перед тем, как разбогатеть.

В 6 утра по местному времени нас разбудили яркое солнце

в окно и сумасшедшие птицы. Чем они занимались на подоконнике, только им самим ведомо, – как только я легла поперек кровати и протянула руки к окну, чтобы открыть его, голуби тут же разлетелись.

В маленькой светлой квартирке было очень уютно утром, но нас мучили фантазии о свежем кофе с теплым круассаном. Умывшись и наспех одевшись, мы вышли на улицу.

В сквере под нашими окнами журчал фонтан, вокруг него на аккуратных скамейках сидели французы с газетами в руках. Все такие из себя «бонжур», в небрежно повязанных шарфиках. Улыбались, как будто с удовольствием встречая утро.

В первые же минуты в Париже бросается в глаза обилие красивых людей. Это делает особенно приятной привычку французов совершенно беспардонно провожать взглядом молодых девушек, которые ходят по улицам.

В Париже цвели нарциссы, бал правила весна. Почти каждую минуту в радиусе трех метров от нас француз целовал француженку, и туристы старались от них не отставать. Это придавало солоноватый оттенок вкусу нашего путешествия. Люди целовались везде: в скверах, парках, на скамейках и под скамейками, на набережных, на мостах и под мостами, в музеях и костелах. Они целовались, стоя в очереди, сидя в кафе, идя по улице, просто так, почти ежеминутно. Сначала

это умиляло, потом смешило, потом надоело, потом уже вызывало вопрос, почему мы здесь с подругой вдвоем.

В конце концов это перестало бросаться в глаза и стало чем-то неотъемлемым от образа города.

В самом деле, я не знаю, как можно в Париже не хотеть курить, постоянно пробовать новую еду, пить вино, любить, петь и рисовать. Парижане, кажется, только этим и занимаются. Еще бегают и катаются на велосипедах. Мы даже видели мадам лет 50 от роду, в босоножках и полушубке, в шикарных солнечных очках, в юбке и жемчугах – она ехала на велосипеде мимо нас, когда мы стояли на светофоре.

Улицы Парижа полны звуков. У Люксембургского сада мы видели шарманщика, у Нотр-Дам-де-Пари вечером играл аккордеон – впрочем, он много где играл. На проплывающих мимо или пришвартованных у берега лодках играли трубачи. У музея Орсе парень играл на пианино, прямо на улице. У Королевского моста чернокожие ребята стучали в барабаны. На острове Сите нам попадались гитаристы, рядом играла и пела целая группа – контрабас, барабаны, гитара, скрипка, певица. Рядом какой-то дядька выдувал огромные мыльные пузыри, а дети, проходя мимо, громко сообщали об этом мамам и папам.

Вечером мы обнаружили, что Лувр находится в 15 мину-

тах ходьбы от нашей квартиры. В двух шагах от него – знаменитый театр «Комеди Франсе» и первый в мире памятник Мольеру. У театра красивый фонтан, подсвечиваемый ночью. Я шла по его бортику, Саша пыталась меня фотографировать, отмахиваясь от компании клошаров, которые звали ее пить вместе вино.

На мосту Искусств сидели в кругу студенты: в центре подсвечник со свечой, вино, бокалы, огромные тарелки с едой – студенты что-то громко пели и смеялись. Мы обратили внимание на тысячи замочков, которые оставили влюбленные на стенках моста: «Анна и Марчелло», «Киса и Володя», «Софи и Ролан». На одном замке значилось Forever alone.

Последнее было мне непонятно. В Париже нельзя остаться без порции любви.

Во второй день мы сидели с Сашей на берегу Сены в кафе, за соседний столик присела пожилая дама. Спросила, как называется мост перед нами. Сен-Мишель. Скоро мы узнали, что старушка родилась в Праге, живет в Лондоне, работает экономистом, приехала на конференцию. Смешная, сморщенная, с переломанными ногтями и волосатой бородавкой на подбородке. Но в аккуратном синем костюме, с шарфиком и красивыми сережками, носит чудесный парфюм, который ей сын подарил. Мы менялись впечатлениями о

Париже, и она сказала, что главная его достопримечатель-

ность – это мужчины.

– Представьте себе, даже я тут получила обожателя. В моем-то возрасте! Вы можете в это поверить?

И тут она захихикала, как девчонка.

Я смотрела вокруг и думала, какое счастье быть живой.

Вечером мы стояли с Сашей на Королевском мосту, смотрели на светящуюся Эйфелеву башню. Когда она перестала мерцать, мы продолжили свой путь и ровно посередине моста увидели написанное черной краской до боли знакомое слово из трех русских букв. Когда человеку в Париже больше нечего сказать про жизнь, это пугает.

На третий день в Париже мы встретили Марка. Это произошло возле собора Парижской Богоматери: мы переходили дорогу, а он прислушивался к тому, как мы говорили по-русски. К счастью, Марк отлично знал английский, поэтому мне не составило труда пояснить, что ему не показалось, мы приехали из России, чтобы увидеть город, в котором он живет. Марк провел нас к Сен-Шапель, где мы любовались витражами – в солнечный день они завораживают. Потом он спросил:

– Как долго вы здесь пробудете?

– Десять дней.

– О нет!

– ?!

– Десять лет было бы лучше.

Марк, кажется, объединил все парижские штучки в одном лице. Сама галантность, «эскиوزه муа, о, пардон, улала, бэлль», привычка насвистывать что-то из репертуара Азнавура, Гинсбура, Тару, Каас или Тирсена. И вечный взгляд, совершенно спокойно и прямым текстом говорящий о намерениях, – причем, должна сказать, в Париже это не вызывало ни возмущения, ни удивления.

Марку около сорока, он мотается по Европе и частенько бывает в России. Мастер спорта по шахматам и по совместительству глава маленького дизайнерского бюро. Звал нас с собой кататься.

До Лондона и Амстердама три часа, до Брюсселя час двадцать. Или куда бы вы хотели? Он любит просыпаться по утрам с мыслью о том, где бы он хотел оказаться сегодня. Когда до другой прекрасной страны тебе ехать (и без всяких виз) всего пару часов, нет ничего проще.

– Недавно меня лишили прав на время, так что своей машиной я все равно пока что пользоваться не могу. Возьмите ее и поезжайте завтра в Версаль. Как вам такая идея?

– Марк, у тебя есть, как минимум, три причины сейчас же взять свои слова обратно.

– Да? Какие?

– Во-первых, мы русские и любим быструю езду. Во-вто-

рых, мы девушки и за рулем мы подобны фашистам в танке. В-третьих, эй, мы почти не знакомы.

– А вот последнее я хотел бы исправить. Вы говорили, что ваша квартира маловата? Оставайтесь у меня! И можно даже не только на оставшиеся дни в Париже, но и подольше.

Я проснулась в Москве через неделю.

Предложение Марка остаться не обсуждалось, об этом даже речи быть не могло. Но вернувшись в немытую Россию, я задумалась, а почему, собственно, мне никогда бы не пришло в голову согласиться или обдумать предложение остаться с кем-то малознакомым в Париже.

Быть свободной настолько, чтобы соглашаться на подобные предложения или мечтать о них значит быть достаточно одинокой, чтобы с уверенностью заявить, что мне не к кому возвратиться назад. Это было бы драматично, вы знаете... Но снова проснувшись в своей квартире на «Юго-Западной» и в полном одиночестве, я решила, что с Марком могло быть всего две причины для отказа: либо я трусиха, либо он не тот мужчина, с которым я согласилась бы отправиться даже в рай, не то что – в Париж.

Однако есть воспоминание, связанное с Марком, за которое я всегда буду ему благодарна. Одним очень теплым вечером он назначил нам встречу на станции метро «Анвере» – поднявшись наверх, мы попали на Монмартр. На лестнице

у церкви Сакре-Кёр кипела веселая пьяная жизнь, хотя времени было ю часов вечера и день был будний.

Марк достал из портфеля красное вино, камамбер, багет и сказал: «Посмотрите вниз. Весь Париж у ваших ног!» В других обстоятельствах вряд ли нашлась бы фраза пошлее этой. Но было начало марта, цвели сады, рядом пели и танцевали счастливые люди, справа сидела Саша, слева Марк навистывал вальс Амели, вино было отличное, сыр был очень вкусным. Я хлопала в ладоши и подпевала, мыча от удовольствия. И мыслей в голове не было совершенно ни одной.

Я не хотела бы жить в Париже, но Монмартр, конечно, меня покори́л. В следующий раз мы вернулись туда с Сашей утром, это был наш последний день в Париже. Я выучила Маркову фразу «j'aime Paris» и даже кружилась иногда, улыбаясь и глядя на элегантно белые облака над столицей Франции. Мы шурились от солнца, ходили в джинсах и футболках, напевали что-то из «Амели», я снимала на видео девушку, которая пела и плясала на фоне белоснежного бока Сакре-Кёр, и видела всех этих художников.

В Париже, как нигде в мире, людям необходимо помнить о своей половой принадлежности и совершенно необходимо быть любимыми. Я не знаю, почему. Но если бы в Париже мне не встретился Марк, который ради шутки временами ло-

вил мою руку или целовал меня в висок, говоря: «Какая же ты красивая» – если бы не Марк, я бы могла почувствовать себя несчастной весной в Париже, без следа любви в сердце.

В последний день в Париже я все же заявила, что еще вернусь. Чтобы посетить Оперу, обязательно в вечернем платье, а потом, не переодеваясь, дойти до моста Искусств, там снять туфли на шпильке, сесть по-турецки, пить вино и целоваться.

И есть еще один пункт обязательной программы – медленно и томно танцевать, обнявшись с любимым и закрыв глаза, на набережной Сены ночью, тихо напевая ему на ушко знакомую песню о любви. Это тоже давно клише, но что с того.

Вообще я думаю, что проблема обласканных всеобщей любовью городов в том, что, чем ты тут ни займись, до тебя это здесь уже кто-то делал. И все-таки есть города, в которых забраться ночью на вершину холма и сказать: «Смотри, весь город у твоих ног» или бросить монетку в фонтан, чтобы вернуться, – это как сказать: «Я люблю тебя». Так все говорят и иногда очень зря, но от этого сами слова в цене не теряют.

Через месяц Марк приехал в Москву, мы гуляли вместе по городу. Мы зашли во французское кафе – проверить, насколько оно правильное, и выпить кофе. Смеясь, я сказала

Марку:

– Послушай, ну честное слово, у нас с тобой ничего серьезного не выйдет.

– Но почему?! – снова включился Марк.

– Да потому что вы, французы, всегда отдаете предпочтение форме, а не содержанию. Ну вот смотри, – я указала на горячий бутерброд с сыром, ветчиной и яйцом сверху. – Как это называется?

– Крок мадам.

– А чем он отличается от крок месье?

– Крок месье без яйца.

– И ты согласен с этим?

– Ну... Господи, принцесса парижская и московская! При чем здесь это?!

– Да потому что крок месье с точки зрения содержания должен быть с яйцом, а крок мадам – без! Это же ясно как дважды два!

Марк хохотал, откинувшись в кресле и прикрывая губы салфеткой. Успокоившись, поцеловал меня в висок:

– Серьезно, ты должна быть моей. Скажи, что мне сделать? Я готов тебя ждать, добиваться, работать над этим. Только разреши мне это.

Как было объяснить человеку, что я, как минимум, не смогла бы ему этого запретить, если бы он действительно собрался делать все то, о чем говорил так изысканно с французским прононсом.

– Честное слово, Марк, будет уже. Я ведь не ломаюсь.

– Опять закрыто. Я сейчас не уговариваю тебя, но я должен это сказать, и это будут мои последние слова на эту тему, договорились?..

Я с улыбкой моргнула, делая большой глоток остывающего кофе кремме.

– Ты не можешь знать, хорошо будет или плохо, если не попробуешь. Дай мне пару недель, месяцев, лет – как получится.

– Ты торгуешься, дорогой Марк. С женщиной, которая «должна быть твоей», торг неуместен.

В следующий раз Марк прилетел по делам в Москву, мы встретились в фойе метро «Арбатская».

Дважды целуя меня в щеки при встрече, он сказал:

– *Ça va?*

– *Oui, ça va*, – ответила я.

Он отошел на шаг назад, оглядел быстрым взглядом с головы до ног и сказал:

– *Ooh la la!* Неужели ты наконец влюбилась?

– О боже, Марк! Неужели это единственная причина, по которой я могла ответить, что у меня все хорошо?

– Ну знаешь, дорогая. – Он обнял меня за плечо, и мы вместе пошли к выходу. – Все дороги ведут в Рим, а все дела в постель. И только в этом случае они действительно идут хорошо.

Впрочем, иногда Марк говорил интересные вещи.

Например, рассказал, как однажды приехал в Японию и представил заказчику модель проекта, над которым полгода работал вместе с командой его дизайнерского бюро. Они жили этим проектом, дышали им, фонтанировали идеями, видели его в снах – прекрасных и ужасных. В итоге сделали нечто гениальное (по рассказам).

– Ты не представляешь, с какой гордостью я летел к нему на встречу. Знаешь, дорогая, у всех в груди живет орел – так вот, во время того перелета из Парижа в Токио мне казалось, что мы летим не в самолете, а на крыльях моего орла. Это был лучший проект за всю мою жизнь! Просто гениальная идея! Безупречно исполненная! Блестяще оформленная!..

– О’кей. И что?

– Старик открыл футляр. Вертел модель молча и задумчиво. Убирал в коробку, доставал снова. Я не знаю, сколько времени прошло, но я устал улыбаться. В итоге он сказал: «Этот макет не идеален». Кааак? А японец со спокойной миной пояснил: «Когда я открываю коробочку с чем-то новым, я хочу услышать щелчок. Ваша коробочка открывается беззвучно, поэтому мне кажется, что и модель в ней несовершенна». Это был самый мудрый совет, который я услышал за свою жизнь. С тех пор я не останавливаюсь, пока помимо совершенства не придумаю для своей работы еще и этот «клик».

В июне мы встретились с Марком в Петербурге. Марк

прилетел на день раньше и пошел в Эрмитаж. Он действительно считал, что каждый раз в Петербурге он обязательно должен пойти в Эрмитаж, и это так скучно, что я даже морщилась. Ну как можно! Летом, когда нет дождя, целые дни тратить на Эрмитаж – каждый раз?! Я имею в виду, когда тебе 36, как Марку, а не 63, как в случае, когда такой сценарий был бы уместен.

На следующее утро после его похода мы встретились в Летнем саду. Он сказал, что будет ждать меня у пруда с лебедями, и это было обязательно. Французы такие французы.

Мы зашли выпить кофе в маленькое кафе у Фонтанки: перед нами настезь открытые окна, мы смотрим на фонтан и розы вокруг него, Летний сад пуст, и я спрашиваю:

– Что ты смотрел в Эрмитаже на этот раз?

– Ничего.

– То есть как?

– Я зашел внутрь, заглянул в окошко кассы и спросил: «Сколько с меня?» Мадам мне ответила: «Сегодня в музей день открытых дверей, посещение бесплатно». Я попросил ее взять деньги и сделать вид, что я пришел завтра. She said: ha-ha-ha. А я не понимаю. Эрмитаж – бесплатно?! Я все-таки зашел. Шел по коридору и чувствовал, что все кругом – дешевая подделка. Вышел через пять минут и сказал, что зайду в другой раз, когда посещение будет платным.

Я сказала: «ха-ха-ха». А потом подумала, что он прав. Настоящие шедевры бесплатно смотреть нельзя, элитарное

искусство должно быть элитарным до конца. В Москве это знает каждый фрилансер. Если хочешь казаться круче, чем ты есть, установи цену и никогда не соглашайся сделать или «немножко сделать» что-то бесплатно.

В июле мы с Сашей съездили в Вильнюс. Марк по телефону возмущался, как я могла поехать туда без него. «I know Vilnius like my pocket!» Как это верно! Все города, в которых бывал Марк, легко поместятся у него в кармане, потому что он не погружается в них – это они тонут в нем. Панимаишь? В Петербурге, белой ночью, сидеть на пристани – и пить французское вино под французскую же музыку. Так же как в Лондоне, Брюсселе, Париже, Вильнюсе и прочих городах мира? Нет уж, дудки.

В августе мы гуляли по городу – я молчала и смотрела вдоль Сены, Марк насвистывал вальс Амели. Это он меня научил: «Ты не должна никому ничего объяснять. Если кому интересно – пусть угадает». И тут вдруг положил руку мне на спину и участливо поинтересовался: «Са ва?» «Да, – сказала я, – са ва». Это прозвучало так, будто я отнюдь не жаворонок, а значит, еще не вечер.

В книге кого-то из фэнтезистов у магов было такое приветствие: «Здравствуйте, как поживает ваша сова?» Марк обвинил меня в шовинизме, когда я сказала, что не способна любить иностранца. Рассказывал про орла, когда я говорила, что не собираюсь экспериментировать. Морщился:

«Опьять закрыто». Целовал в висок всегда неожиданно: «Панимаишь?» Это было мило. Но как можно всерьез относиться к тому, кто не способен оценить шутку про «Как поживает ваша сова»?

Мы шли вдоль Москвы-реки, был теплый солнечный сентябрь, мы ели мороженое. Марк сказал:

– Здесь так ветрено. У тебя холодные пальцы. Ты замерзла?

– Нет, все в порядке.

– Но руки холодные, – сказал он с тревогой, взяв меня за руку. – Знаешь что, спрячь-ка ладошку в задний карман моих джинсов. Вот сюда. Лучше?

Я, смеясь, отняла руку: «Отстань, сколько можно»

– Знаешь что, теперь у меня замерзли руки. В этой вашей России так холодно, сил нет никаких. Можно я тогда погрею руки?

– Хорошая попытка, Марк. В России так не принято, – снова улыбнулась я.

– Ох, какая ты жестокая. Ты хоть видела свою задницу? Боже, что за задница! Ей место в Лувре, честное слово! Рядом с Джокондой.

– Тебе кажется, она улыбается?

– Ха-ха-ха!! – сказал Марк и поцеловал меня в щеку. Я не прекращала есть мороженое даже в эту секунду.

А спустя почти год после нашего знакомства я вдруг поняла, что каждый день помню о его существовании и мне в самом деле интересно, как там поживает его сова. Я собрала чемодан, сказала «оші» и все же перевезла свою задницу поближе к Лувру, где, по словам мужа, ей давно уже – самое место.

Не все дома

Не кажется ли вам, что, по сути, каждый из нас – это два человека: один левый, другой правый? Один полезный, другой никуда не годный?
Кортасар Х., «62. Модель для сборки».

В Петербурге, в том его районе, где он едва ли походит на бывшую столицу, есть улица имени Джембула. В городе-призраке, на улице имени поэта, который давно умер, не умел писать и пел о том, чего никогда не бывало, есть старый дом. Который давно пора снести.

Там двор-колодец, стертые ступени, странный запах, в подъезде три этажа, на каждом по одной квартире.

Площадь той, что на первом этаже, сложно подсчитать, но впечатляет. Сначала длинный грязный коридор: по левую сторону две комнаты, по правую – дурно выкрашенная стена. В ней углубление непонятного назначения, спрятанное за траченной молью короткой шторкой. Вместо света в конце коридора – прокуренная насквозь мизерная кухня, на стенах

которой вместо картин засаленные школьные плакаты про грибы и червей. Широко распахиваясь, легкая дверь каждый раз бьет в лицо четырехлетнему Володе Ульянову за разбитым посеревшим стеклом. Под обоями плесень, на потолке рыжие подтеки, на старом паркете комки пыли.

Узким кругом вокруг стола, липкого от разлитого вина, с серой перхотью сигаретного пепла, сидят люди слишком разные, чтобы найти общую тему. Они постоянно говорят.

– Свобода это хорошо, – сказала Бессонова, выдыхая сигаретный дым, – только страшно.

– По-французски свобода *liberte*, – ответил Третий.

– Уверен? – прищурился Максим.

– Да, – ответил Третий. (Он всегда был уверен.)

Все любили Крошечку Бессонову. Все, даже старшая Бессонова, которая никогда не упускала шанса довести младшую сестру до слез, поступая всегда ей назло.

Больше всех Кроху любил Рома. Он работал с Максимом в баре «Белград» – который в Петербурге возле Перинных рядов, его скоро закроют. Иногда Крошка заглядывала к ним по ночам и бегала взад-вперед перед стойкой, пытаясь заставить густой дымный воздух заворачиваться вокруг нее вихрами. У нее не получалось, Максим на нее за это злился. У Ромы замирало сердце.

Сама Крошка любила только того, с кем спала теперь ее старшая сестра. Она преследовала его даже в метро. Нависа-

ла над ним тенью и смотрела пристально, пока он делал вид, что ее не замечает. И думала: «Самый умопомрачительный мужчина, когда-либо рожденный на земле, по определению мог влюбиться только в меня. Потому что ни одна женщина, когда-либо рожденная на Земле, не сумела бы так горячо полюбить каждый его недостаток – так горячо, как я люблю».

Напряженным ищущим взглядом Кроха упрямо гладела на того, кого ясно видела в своих объятиях, своим любовником, другом, мужем. Ненавидела его, обожала, била, отдавалась, рожала его детей и даже (о, Господи!) прощала его за все, – уже целых пять минут своей единственной жизни... Пока Максим, живший теперь с ее старшей сестрой, смотрел будто бы в сторону, бесцельно блуждая взглядом по вагону метро. А она-то, она была все время прямо перед ним! Она, единственная, в которую мог влюбиться этот самый умопомрачительный в мире мужчина.

По ночам лежа на нижней полке двухъярусной кровати в комнате, где жил Максим с Бессоновой, Кроха ждала его с работы. Она спала вообще-то, но, едва заслышав шорох его шагов на рассвете, тут же просыпалась и молча, с обожанием, наблюдала за ним. Пока Максим проходил вглубь комнаты, к окну, потирая красные от усталости и сигаретного дыма глаза. Он медленно стягивал с себя прокуренную футболку, расстегивал залитые текилой и ромом джинсы, кидал их на пол. Потом стоял еще с пару мгновений над кроватью, в которой спала, как пожарник, Бессонова на смятых простынях.

Крошка смотрела на него, а он стоял над старшей. Он стоял там совершенно голый.

Совершенно-голый.

Совершенный, голый!

И захлебываясь то молочной нежностью, то вспененным шампанским робких желаний, каждую ночь она училась любить в первый раз – пока Максим укладывался в постель к ее спящей старшей сестре.

Днем, где-то часов после двух, когда Бессонова заканчивала варить тошнотворную кашу, Крошка шла в комнату к Максиму – будить его к завтраку. Думала, глядя на него, пока он лежал на постели у окна: «Ты так красив. Ах, как я разбила бы твое сердце! Нежно, кротко, почти бережно, сжала бы в кулачке и стукнула б об острый край – чтоб оно вытекло все, как яйцо». За этим занятием ее заставлял обычно Рома, возвращавшийся только тогда в их комнату – спать на двухъярусной кровати, сверху (на нижней спала всегда Кроха). Бурча что-то и путаясь в одеяле, он старался скорее уснуть, когда Максим открывал один глаз и недовольно мычал, что еще не выспался. Где пропадал Рома после работы и до обеда, никто не знал и никогда не спрашивал. Рома был свободен. Именно так свободен, как мечтал Максим.

Они завтракали втроем: Максим, Бессонова и Третий (из-за него подумать о важном никогда не получалось). Крошка, худая, почти бесплотная, сидела на подоконнике и пускала

дым (никто никогда не видел, чтобы она ела, а курила она не переставая).

– Зачем вы развесили школьные плакаты по стенам? – спросил Третий, глядя в окно.

– Надо было чем-то закрыть пустое пространство, – ответила Бессонова прикуривая.

Пальцы сжимают белый продолговатый стебель, чудесное ощущение, мягкий стержень нежно касается тонкой кожи. Еле уловимое потрескивание, едва слышное уху; глубокий вдох, медленный выдох.

Бессонова-старшая любила пустить дым через нос, при этом она всегда опускала глаза – что само по себе было ей несвойственно: слишком похоже на кротость. За курением Бессонова активно жестикулировала рукой с зажатой в ней сигаретой (иногда это была правая, иногда левая).

Максим сперва стучал сигаретой по столу, затем подносил ее ко рту и зачем-то дул в угольный фильтр, лишь после этого он касался губами самого краешка сигареты и поджигал.

Когда курил, не жестикулировал совсем, и руки его, обычно нервные, лишь в это время покоились. Впрочем, иногда он брал зажигалку и постукивал ею по столу (сигарету Максим всегда зажимал пальцами правой руки).

Крошечка держала сигарету в левой, потому что в энциклопедии для маленьких принцесс когда-то она вычитала, что если уж женщина курит, то только левой – и без вариантов.

И все же ей всегда хотелось научиться, как Максим.

Третий не курил совсем. И пьяным его никто никогда не видел. Поэтому он был вправе высказываться на этот счет от лица великого и ужасного большинства и требовать перестать курить. Его никто не слушал.

– У нас в баре тусуются одни ботаники. Нажираются до синих мух и лезут спорить о высоком, – сказал Максим и постучал сигаретой по столу.

– В фиалке на подоконнике завелась мошкара, – ответила Бессонова, выдыхая.

– А потом они получают диплом и валят служить обществу. В этой стране, – продолжал Максим.

– Ты вообще бармен, – усмехнулась Бессонова.

– А я работаю в офисе, – с гордостью отметил Третий. В обществе это вроде как престижно.

– Потому что мне нужны деньги на мотоцикл, – раздраженно ответил Максим.

– Я была бы идеальной женой, – сказала Бессонова, опуская глаза и пуская дым через ноздри, – тому, кто никогда не женится.

– Сердце это всего лишь двигатель. А вместо любви – по трубкам сжиженный азот. Это опасно, – улыбнулся Максим.

– Хм, что еще мог сказать помешанный на скорости? – одобрительно выдохнула Бессонова.

– Ежедневно в Петербурге погибает 15 мотоциклистов, –

сказал Третий голосом статистики.

– Помешанные на скорости – это проявление... Они помешаны на свободе, на том, что не подвластно большинству, что их пугает. Это как другое измерение, что ли, вне их четырех координат. Не «x», не «y», не «z», а «t».

– Это типа время, что ли? – напрягся вдруг Третий. Он, как и «все», этого не понимал.

– Я сегодня работаю во вторую смену, – сказала Бессонова, – Вернусь поздно, не засыпай без меня.

– Хорошо, – машинально ответил Максим, мысленно пересекая пространство на мотоцикле.

Когда Бессонова ушла работать на третий этаж, Максим с Третьим сели за ноутбук играть в гонки вдвоем.

Под вечер своего выходного дня Рома уезжал кататься на мотоцикле с одной из случайных подружек. Он с ними знакомился в «Белграде», который скоро закроют. Аккуратно записывал номер мобильного и наливал исподтишка 50 грамм текилы бесплатно. Особо симпатичным даже собственноручно солил дольку лимона в придачу (так делает Ромин любимый актер, но вообще это неправильно. Именно поэтому он так и делал. А Максим об этом только мечтал). Потом Рома подмигивал новой знакомой и уходил в другой конец стойки работать, на прощанье подняв перед лицом ладонь. В выходной он звонил какой-нибудь из них (способ выбора сам называл «рандомным»: это было модное словечко в «Белгра-

де», который скоро закроют). Всех девушек без исключения он сажал «утром» своего выходного дня на мотоцикл и с той поры именовал «нажопницами». Имена было трудно запоминать. Да и какая, в сущности, ему была разница.

Максим всю жизнь мечтал о мотоцикле. Но никто никогда не слышал, чтобы он говорил об этом прямым текстом.

Вернувшись, Бессонова застала Максима с Третьим на том же месте, за игрой. Она села к ним за стол и прикурила. Держа в левой руке, подошла еще одну сигарету и с мгновение смотрела на них, игравших с красными глазами. Потом резко захлопнула ноутбук прямо у них перед носом и на все их недовольные крики только и сказала, что «на» Максиму. Они вдвоем молча стали курить, и Третий тоже притих.

– Вот эти грибы ядовитые, – указал пальцем Третий.

– Я давно не была в лесу, – Бессонова выпустила дым сигарет через нос и опустила глаза.

Крошечка вскочила с подоконника и стала дергать Бессонову, выражая готовность отправиться в лес хоть сейчас. Старшая бесстрастно переводила взгляд с пустого подоконника на Максима, потом на Третьего и обратно, будто Кроши не было совсем. Все молчали.

– Но ты ведь так хочешь, – шепнула младшая в самое ухо Бессоновой. – Ты, наверное, и не помнишь уже, как там пах-

нет...

Бессонова вздохнула: «Может, поехали?»

– На чем? Денег нет, – нахмурился Максим.

– Зачем тебе? Поехали на электричке.

– Ненавижу поезда, ты же знаешь. Сил нет, я устал на работе.

– У тебя выходной завтра, – напомнил Третий.

Бессонова выдохнула через нос, прикрыла глаза. Максим встал из-за стола и ушел в комнату кому-то звонить. Крошка продолжала теревить сестру, уговаривая ехать в лес вдвоем. «Когда ты исчезнешь наконец?» – прошептала ей Бессонова и вышла. Она пыталась закрыться в ванной, но младшая проскользнула за ней.

– Я так устала от вашего дыма. Я уже не помню, как пахнет свежий воздух, – ныла Кроха.

– Почему бы тебе тогда не бросить курить? Или не уйти куда подальше? Ты так меня достала, я не хочу ничего помнить, неужели ты не понимаешь? Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? – спросила Бессонова, плача от злости.

– Почему ты так? Мы же с тобой такие одинаковые! – заплакала Крошечка.

– Ну да, – усмехнулась Бессонова, – Ты слушаешь французский рэп, а я Эдит Пиаф и Билли Холидей... потому что Максима только они не раздражают...

– Они француженки!

– Только одна.

– Мы любим Максима!

– Только ты. И научись наконец говорить в прошедшем времени. В конце концов, кроме него ты ни к чему не имеешь отношения.

– Как ты можешь? Максим абсолютно великолепен – сейчас. Опять с трехдневной щетиной, сегодня поздоровался со мной молча: чмокнул в щеку, жуя что-то, и прошел мимо. И его эта манера не интересоваться даже формально, как у меня дела, сводит меня с ума окончательно.

– Ненавижу его за это. Выйди вон, я помоюсь и лягу спать.

Крошечка Бессонова, засыпая одна в своей кровати, мысленно повторяла про себя:

Максим не спрашивает, делает молча и без предупреждения то, что решил – как угодно, хоть насильно.

Максим жесток, но уверен.

Максим резок, но справедлив.

Он может ошибиться, но не спасовать.

Максим снисходительно улыбается в ответ на мой лепет и молча утирает слезы моих истерик своей большой сухой ладонью.

Максим не кричит о любви – он просто бывает рядом.

Он невыносим.

Я люблю его невыносимо.

Мечтая перед сном, Бессонова-старшая твердила, как за-

кливание:

Мой мужчина не спрашивает, делает молча и без предупреждения то, что решил – как угодно, хоть насильно.

Мой мужчина жесток, но уверен.

Мой мужчина резок, но справедлив.

Он может ошибиться, но не спасовать.

Мой мужчина снисходительно улыбается в ответ на мой лепет и молча утирает слезы моих истерик сухой ладонью.

Мой мужчина не кричит о любви – он просто бывает рядом.

Он невыносим.

Я буду любить его невыносимо.

Подумав так, Бессонова села на постели и глянула на Максима, спавшего рядом и видевшего тревожные сны (как всегда). Крошка, заметив ее, тут же прибежала и присела на полу у ног старшей сестры. Бессонова только горестно вздохнула, глядя на младшую:

– Девочка моя, я его так знаю... Буквально читаю. Это так легко, что даже страшно.

– Как ты можешь знать, о чем думает другой человек?

– Со временем смогла. Теперь это легко... Когда он думает или не думает обо мне. Остальное меня не интересует.

– Да мало ли! Завтра будет по-другому. Зачем тебе знать это?

– Крошечка, незачем. Но знаю точно. Это так легко, что

даже страшно.

– Ты не можешь уйти от него. Мы больше никому не нужны, – снова плакала младшая.

– Я не уйду от него. Но мы ему не нужны.

– Ты ведь знаешь, что хуже станет только тебе.

– Да, я действительно раньше была в этом уверена. Но...

А ты знаешь, каково это: видеть сны, которые ничего не значат? Отвечать на звонки, которых не ждешь? Не спать по ночам просто так? Не давать обещаний, потому что исполнять их будет просто лень? Не ждать от жизни сюрпризов, не ждать совсем ничего? Ты – знаешь?

– Не знаю. Я каждый день жду, когда придет Максим, и он всегда приходит.

– Но ведь не к тебе. И он все время хочет, как Рома.

– С чего ты взяла?

– Максим бормочет во сне. Неужели ты думаешь, что он осмелился бы сказать мне об этом?

– Ну и что? – младшая сломала сигарету, которую теребила все это время. – Максим никогда меня не любил, я знаю. – Крошка снова начала рыдать, Бессонова сползла с кровати и села рядом с ней на полу.

– И не надо, – ответила, глядя в мутное окно.

– Как не надо?! – подняла глаза Крошка.

– А зачем? Достаточно того, что он нас не гонит, у нас есть дом.

– Но ведь я так больше не могу...

– Да, я думала, что так не смогу. Но все будет тихо. Просто тебе скоро придется уйти.

– А если нет? Если я не уйду?

– Дура, что говоришь? – Бессонова обхватила ладонью ее лоб и глаза, чтобы сестра не видела в ее глазах страха. – В конце концов, чего ты хочешь? Это не я сбежала от родителей в никуда. Максим не должен тебя любить: вполне достаточно того, что он тебя терпит.

– Ты думала так, когда сказала ему, что беременна, чтобы он скорее забрал тебя с собой? – Крошка плакала. Старшая все так же молча держала влажную ладонь у нее на лбу, чуть прикрывая ее глаза. Затем поднялась и молча поплелась на кухню курить.

На кухне сидел Третий и пытался читать какой-то массовый детектив в яркой бумажной обложке.

– Все очень просто, – сказала Бессонова, садясь за стол напротив него. – Для того, чтобы обеспечить свое спокойное будущее, достаточно не любить. Никого, – она прикурила. – Кроме себя самой, – выдохнула и улыбнулась.

– Маяковского не любила Лиличка.

– Бросила. А он-то ее любил. Дура, как все мы.

– Все мы произошли от обезьян, – со значением произнес Третий и снова углубился в свою книжицу.

– А как насчет дядьки с бородой, которого Богом иногда называют?

– Не знаю таких, – ответил Третий, не отрываясь от чтения, – Если мне его кто-то покажет, я, может, еще подумаю о нем, а так... – Он равнодушно пожал плечами.

– Поговори со мной о любви, – вдруг сказал Третий, откладывая книжку в сторону.

– А что о ней говорить, – спокойно ответила Бессонова, потирая глаз рукой с зажатой в ней сигаретой. – Любовь либо есть, либо ее нет. Если есть, то что о ней ни говори, это ничего не изменит. А если ее нет... А если ее нет, так о чем вообще речь?

Прошло еще часа два, Бессонова курила, а Третий декламировал ей то стихи из школьной программы («Белеет парус... одинооо-кий. Златая цепь на дубе том...»), то теоремы из курса геометрии, то про звезды говорил (это на физике было). И вдруг она его перебила:

– Хм...

– Что «хм»? – не понял Третий.

– Я просто думаю... Куда все подевалось?

– Что все?

– Что люди называли любовью, – Бессонова снова прикурила.

– Он никогда тебя не любил.

Ножом по шелковому сердцу. Небрежно, почти *шутя*.

– Знаю. Женщины всегда знают это, даже раньше вас...

Когда вы и сами еще не понимаете, – она выпустила дым через нос, закрыла глаза.

– Тогда зачем ты с ним?

– А я не с ним: мы просто спим вместе. Мне надо где-то жить, я не могу быть одна... Он мне нужен. Это твои меня научили так думать, помнишь? Там, на третьем этаже.

– Почему бы тебе не быть с тем, кто тебя любит?

– Кто сможет полюбить меня такую?.. А хочешь, поцелуй меня, – Бессонова затушила сигарету, лукаво глядя исподлобья.

– Да перестань ты, в самом деле. – Третий порывисто встал, стал шарахаться по мизерной кухне, брал предметы, снова ставил их на место.

– Целуй уже, хочешь ведь. Только не требуй ничего потом.

Третий стоял за ее спиной, нервно дергая чайный пакетик за нитку в чашке:

– Как понять? Ты либо наша, либо ты сама себе царица.

– Поцелуй это обещание, которых я не даю. Ты же все понимаешь... Но я их требую, – Бессонова улыбнулась.

– Ты сбежала из дома с ним. Почему?

– Потому что мы думали, что трава в чужом городе зеленей.

– Зачем ты до сих пор с ним?

– Потому что никто больше не звал меня за собой, – сказала Бессонова, запрокинув голову так, чтобы видеть его. Протянула к лицу Третьего руки, пальцы растопырены. Борясь с собой, он все же наклонился. Она могла нарушить их общественный покой там, на третьем этаже – он не хотел

быть ответственным за это. А Бессонова, смеясь, целовала его подушкообразные губы, лишь уголки: то правый, то левый, снова. Потом вдруг села ровно, снова спиной к нему и, как ни в чем не бывало:

– Пойду лягу.

Встала и ушла.

Лежа снова в постели с Максимом, она думала о Третьем. «Такие, как он, это люди-функции. Такие даются нам, чтобы мы что-то поняли о своей жизни, но потом они в ней не остаются. Незачем. О них быстро забывают и потом думают, что до всего в этой жизни дошли будто бы сами».

– Почему ты не возненавидишь Третьего тогда? – дрожащим голосом спросила Крошка в темноте.

– Я говорила тебе, что ненавижу его. Что с того? Максим всегда говорил, что по части ненависти каждый становится пистолетом с загнутым дулом: в кого бы ни целился, попадает все равно только в себя. Во всем, за что я его ненавижу, на самом деле виновата я сама. Я тоже на третьем этаже бываю, я их составляющая, но ведь не пыталась ничего изменить.

– Ты никогда не пыталась жить своей жизнью, проживала то Максиму, то Третьего... Раз так вышло, иди и живи сама по себе, все так делают.

– Прости. Я все еще не овладела искусством быть как все те, которые как Рома или ты.

– Да?.. А любовь?..

– Это у тебя она была. А если ее никогда не было, это вовсе не означает, что уже и не будет... Впрочем, и наоборот, к сожалению, тоже.

– Что наоборот?

– Даже если любовь у тебя всегда была, это еще не значит, что она у тебя всегда будет. И вот от этого мне страшно, – Бессонова поежилась под одеялом.

– Третий никогда не скажет тебе о любви красиво, не станет тебя беречь, не поговорит по душам. Он на такое просто не способен!

– Почему бы тебе не позволить каждому любить так, как он умеет? – отрезала Бессонова. – Красиво или молча, Кроха, лишь бы в принципе любил.

– Но ты ведь не любишь его совсем, не любишь! Ты не можешь уйти из этой комнаты совсем, не можешь! Знаешь, как будет, когда завтра Максим в шесть утра придет домой с работы?

– Будет тихо.

– Тысячей иголок что-то вопьется в кончики пальцев и куда-то неопределенно в грудь. По телу дрожью тепло рук. Которые имеют право на все... – Кроха говорила с придыханием.

– Но коснутся только твоей щеки, – твердо оборвала ее Бессонова. – И знаешь зачем? Только чтобы проверить, уснула ты наконец или нужно еще тихонько подождать.

– ...Мы заигравшиеся дети, – мрачно изрекла Бессонова. – Мы потерялись на рынке чужого труда.

Бессонова снова встала с кровати и побрела в комнату Третьего. Он не спал, сразу вскочил с постели и подошел к ней.

«Этот одеколон уже у кого-то был. У кого – я не помню, именно это меня и смущает. По крайней мере, я не в состоянии уже вспомнить, от кого я почувствовала этот запах впервые», – думала Бессонова, пока Третий что-то бормотал ей, пытаюсь обнять.

Она отстранилась и села по-турецки на стул у его письменного стола, закурила. Поморщив нос, почесала затылок и заикнулась о чем-то, но смолчала. Вздохнула разок, затянулась, выпустила дым через нос. Третий сидел напротив нее на своей кровати.

– На самом деле, мне бы выспаться. Завтра на работу, – сказала Бессонова и стряхнула пепел с сигареты на какие-то бумаги на его столе.

– Там договоры... – Третий метнулся к ним, стряхнул пепел и достал чистые листы бумаги вместо своих документов.

– Это важно? – усмехнулась Бессонова.

– Мне за это платят. Я люблю свою работу.

– Как ее можно любить?

– Смотря какую. Зачем ты ходишь на свою работу, которая отнимает у тебя столько сил и времени? Ты же не трапишь даже этих денег, – у Третьего всегда наготове совет.

– Почему же? Часть, которую не отдаю Максиму на общие нужды, я отдаю Крохе.

– Зачем?

– Чтобы она не рассказывала мне историй.

– О чем?

– О себе.

– И что она с ними делает?

– Топит ими печи.

– Чьи?

– Чужие.

– Зачем ты тогда ходишь на эту работу?

– Нужно чем-то занять не востребованное никем время.

Крошка тихо села рядом с Бессоновой за стол. Неумело курила: прилежно, положив свободную руку перед собой, как первоклассница, под еще не до конца сформировавшуюся грудь. Она пыталась копировать движения сестры, и эти ее потуги вызывали всегда снисходительную улыбку Бессоновой. Неумело держа сигарету, младшая пускала дым в глаза, жестами будто пытаясь отгородиться от всего мира сразу. Лучше б она не курила совсем.

Повременив еще немного, Бессонова молча докурила сигарету, встала и ушла. Третий не нашелся, что сказать ей.

Утром Рома вернулся на своем мотоцикле домой, с оглушительным ревом пролетев мимо окон. Максим и Бессонова оба прилипли к стеклу, разглядывая вожаделенный металл.

– И что ты в них находишь? Уродцы, – фыркнула она.

– Красавцы! Непонятные, как женщина. Два колеса, а не падает... Посмотри на силуэт человека на мотоцикле. В движении он полностью погружен в процесс. Он будто в другом измерении!

– Бред, по-моему.

– Знаешь, когда у тебя полный бак, жизнь налаживается, – мечтал Максим. – Впереди всегда много километров пути, и невольно появляется улыбка. Хорошая такая. Ты ощущаешь свободу.

– Свобода это хорошо. Если есть куда вернуться, – выдохнула Бессонова, опустив глаза.

– Зачем куда-то возвращаться, если впереди целый мир?

– Страшно ехать в никуда. Да и зачем, если есть дом?

– Помнишь Аюра?

– Твой монголоидно-буддийский друг-алкоголик?

– Да. Он позавчера упился в мусор и достал из кармана измятую мандалу.

– Что такое?

– Картинка, вроде лабиринта, для медитаций... Я почему-то сразу вспомнил о тебе.

– Ты мне ее покажешь?

– Не нужно это.

– Тогда зачем ты мне рассказал?

– Аюр говорит, что разгадал ее. Хотя это невозможно.

– Почему?

– Невозможно разгадать то, что не является тайной. – Максим нахмурился и отошел от окна.

Вернувшись домой, Рома застал Крошку одну сидящей на кровати Максима.

– Если бы ты могла... Перестать оглядываться... Если бы ты только... Я покажу тебе свободу.

– Я люблю Максима.

– Ты его себе придумала. Тебе вообще-то все равно! – Рома хлопнул дверью и ушел.

Надо было что-то менять. Эта едкая мысль носилась в воздухе и была гуще дыма. Решиться нужно было до утра. Комнату то и дело пересекала жирная крыса из света от выезжающих со двора автомобилей.

Я редко спускаюсь к ним в квартиру. Это не так легко. Но точно знаю, что до сих пор в жилище Крохи, Ромы, Бессоновой и Максима ничего не изменилось. В их квартире по-прежнему полный бардак и душно так, что не продохнуть. А форточки все вечно Кроха закрывает, чтобы громче говорить о прошедшем.

Я иногда бываю на втором этаже, и оттуда их бывает слышно. Туда я спускаюсь выпить с друзьями. Когда друзья молчат, а я, кусая губы, уже не чувствую боли, тогда становится слышно, как Бессонова говорит о надежности и тыле,

Кроша ревет, что раньше все было иначе, Рома хлопает дверью и уходит каждый раз навсегда, а Максим бьется головой о стену, понимая, что никогда не осмелится поступить так, как Рома. Еще иногда слышно, как бубнит Третий о том, что так не делается, что у всех все по-другому, но ничего конкретного он никогда не говорит. На втором этаже тоже вечно накурено, но больше воздуха и постояльцы квартиры иногда меняются. Там мои друзья, с ними можно даже рассуждать вслух.

Почти всегда мне приходится жить наверху. Здесь круглые сутки маскарад и сплетни по углам. И двери не закрываются, как ни старайся. Зато всегда много гостей, Третий заходит, Бессонова появляется время от времени, коллеги не дают скучать.

Есть одна проблема, и она беспокоит меня больше, чем что-либо. Когда я разговариваю с кем-то на третьем этаже, где теперь почти всегда живу, я не слышу собственного голоса.

Нина Матвеева-Пучкова
г. Уфа, республика Башкортостан

Историк искусства. Член Российского союза писателей. Издательством РСП выпущен персональный сборник рассказов «Как будто время ни при чем...» (2016). Проза опубликована в сборнике «Проза-2016, кн. 2» (2016).

Из интервью с автором:

Живу в Уфе, иногда – в Екатеринбурге.

В своем непостоянстве судьба часто дразнила меня новыми надеждами и подталкивала к новым начинаниям; так, перефразировав Плутарха, могу обозначить пройденный мною путь.

В свободное время занимаюсь живописью и переводами.

© Матвеева-Пучкова Н., 2017

Ян Скацел (1922–1989), чешский поэт, прозаик, переводчик

Зноровы в ночи

На лугах белье развесили туманы,
а вдали криками выпи
и кваканьем лягушек
зеленела ночь.

По дороге,
что идет вокруг загуменя,
перед полуночью прибыл я в Зноров.

Ночь, как рваное пальто на выпасе,
прожженное огнем, который здесь виден на многие мили,
накрыла деревню.
Густая и плотная в Зноровах тьма.
Крепко дышат хлева
теплым и прелым духом.

Норовы в ночи. Между стодолами
деревья касаются крыш.
Сюда возвращались добрые сыны, украшены слезою,
иные шли в цепях
с повислыми волосами.

Слышал я так же, как будто вели меня,
и пинал я по дороге конский навоз
и беду.
На небе серпик пожинал звезды,
а ветер гнал тучи
через пустынные места.

Так я шел, как будто вели меня,

и свесил я голову, как вороново крыло.
Тихо плыла тьма,

блестел графит лошадиных волос,
неспокойно спали парни-зноровчане¹.

Хорошие вещи

Среди хороших вещей, любимых мною, огонь
и черное серебро звезд
за опояском ночи.

Черное серебро да старые слова,
которыми посвящали в рыцарство:
выдержишь три удара и не более.

Среди хороших вещей люблю день,
когда весна кладет узду на доброго коня,
синюю узду
и розовые седла.

Каждый год возвращаться —
хороший замысел весны.

Из всех добрых вещей люблю нашу любовь,
ту старую, которая не умирает,

¹ Зноров и Норовы – две деревни одного поселения.

и говорю тебе снова и снова:

это существует вчера,
будет сегодня
и было завтра.

Выдержать только три удара и более ничего.

Разрыв

Мы одни,
будто бы нас кто-то обидел.
Тщетно ищущи в карманах,
что мог бы тебе дать.

Но это не горе,
на мой взгляд,
и в рощах Моравии
иначе умирает любовь.

По лесам летел ноябрь,
как олень без головы.
Тело мохнатое
изваляно в листьях.

Падало,
падало в лесу грабовом,

непрерывно кружило,
и олень без головы
по лесу бежал
на тонких ногах
галопом.
Бежал и бежал,
в полях мчался,
в паху кровь
отъятой головы.

Второе стихотворение о Луне и человеке

Не бойся
и отринь эту малую печаль,
мы же не дети.
И все ж таки моя нежность
хотела бы уснуть под черной бузиной.
чтобы поймал меня
один день из моего детства.

Не бойся
и отринь эту малую печаль,
потому как мы давно уже муж и жена.
Мы ночь и день, и луна нашей ночи
падает, как срезанная роза.

Не бойся, когда буду под твоим боком засыпать,

проваливаться назад под черной бузиной,
чтобы меня удержал
один день моего детства,
чтоб я вернулся
и в руке держал розу,
только бы ты встретила меня вновь мечтательного.

Не бойся, это просто
приказ человека, жест Бетховена,
с которым солдаты прикладывают скрипки к щеке,
и с неба падает срезанная роза.

И падает с неба чистый, ясный дождь
на человеческие сердца, немного закопченные,
и ты огорчаешься,
что мы не дети,
что я муж и что ты жена.

Бабье лето

Вчера летел по ветру первый белый волос.
Он позвонил,
когда медленно упал на землю —
и слова

жесткие, непокорные слова
застряли в горле как рыба кость.

Лето мое,
ты уже тоже седеешь?

Так
придет завтра и осень.
Вновь все деревья облетят,
вновь будем спрашивать,
куда или к кому пойти.

И тишина, убогая как полевая мышь,
нам пискнет за спиной.

Лето мое,
и ты уже тоже седеешь?

Юзеф Баран (род. 1947), польский поэт

Письмо

темнота бросила на берег
лучи света
далекой планеты
засушенные незабудки
потухшего дня
поставленные

в вазу с водой
начинают оживать
и вот пахнет твоим днем
во всей комнате
и ты возникаешь
из раскрывшихся лепестков
чаши пространства
я поднимаю к губам теплую облатку тела

Страх

ночью незрячей
в космическое путешествие
отправиться
на ощупь
без билета
без тела
на лазерной снежинке души

Сквозь мир идущим зов

полюби ты меня
я откликнусь ответно
прорастем мы в себя
чуть дыша и безмерно

я сокроюсь в тебе
ты исчезнешь во мне
смерть разыскивать нас
будет по миру тщетно

Вновь...

вновь меня выбрасывает
рассвет на берег
словно раковину
из клубящегося океана
в голове моей как в раковине
всю ночь гудело
Вечностью и Снами
все смешалось со всем
и все были всеми
и не было еще нарочитого разделения
на живых и мертвых

Потихоньку...

Потихоньку
раскрылись
ставни сна

со всех сторон
полетела тоска
на подоконник
сел белый ворон бессонницы

не ты ли подумала обо мне во сне
в полночи

Ах сердце...

ах сердце
ночная бабочка безумная
покинутая в темных долинах
у подножия разума
трепещешь
опаленными крыльями
в погоне за тем
что велико и ярко
а все же
могла бы вспорхнуть выше
чтобы как на ладони увидеть
какое малое
трухой светящееся
это твое
воображаемое солнце

Солнце движется...

солнце движется в панике
день ото дня
убывает его сила и все раньше
трепещет в окне тьма ночи
земля склоняется к осени

ибо заволакивает туманом зеркало неба
в этом зеркале словно брошенный хлам
отражаемся мы в уменьшении

ибо отцвели в нас душистые метафоры
и в ладони насыпана горсть пепла
всех вдохновений майских

ибо грохочут в нас поля маковые
как размышляющие над тщетою мира
философов засушенные головы

Влюбленный открыватель

один изобрел колесо
другой построил судно на подводных крыльях
третий сделал три первых шага на Марсе

а я открыл Тебя
на этой удивительной планете
Земля
и с тех пор
на заре
меня будит радостная
как щегленок мысль
что ты действительно
существуешь...

Школьная фотография

Охватываем взглядом пору и время
мы миллионеры времени

смерть не осенила еще крылом

фон фотографии
мы разбрасываем время
полными горстями

в кармане бренчит связка ключей
от ста незнакомых ворот

жизнь светит нам прямо в лицо
сказкой из тысячи и одной ночи
мир еще существует
и все
буквально все
может случиться

Бог так одинок

Бог так одинок в предутренней рани
что играет на скрипке грусть
в завешенных паутиною стенах
любовники пробудились от сна

затаили дыханье слушают скрипку
растет в них безмолвно отдельность
(в стеклах старых зеркал отражается тьма
в ней белую смерть прядут пауки)

затаили дыханье нарастает ноктюрн

оппадают ночи пустые руки
когда болен одиночеством Бог
все слова стали не нужны

только свечу на ощупь зажечь
и сжигать в той свече две сплетенные тени
пока Бог облегченно не выпустит скрипку из рук
и ввысь упорхнет над ветшающим домом

Полет

Даже не ведаю когда
был запакован в белую капсулу
перетащен с кровати
через взлетную полосу
больничного коридора
надут наркозом
разогнан
запущен
лечу
пикирую
наподобие ракеты
в космос в небытие в черт знает что
со вскрытым животом
в котором грифы-скальпели
в белых кителях инопланетян
выклевают внутренности

лечу
пикирую
вокруг ни Бога
ни черта
ничего
режут меня
хотя нет меня
на земле
на небе
ни одной звезды
час
два
три
режут меня
разве это еще я
разве это еще меня
ждет внизу Земля
и несколько любимых лиц
чтобы по возвращении стащить за ноги
на посадочную площадку жизни?

Баллада об эмигрантах

просыпаются среди ночи
отсеченные от пуповины своей страны
с замкнутыми устами
не чуя земли
под ногами
в течение минуты
смутно угадывают в них
затонувшие титаники детства

2

уже после трансплантации языка
длится трансплантация мозга
только пересадка сердца
все никак не удастся
и хотя старое слишком большое
похоже придется с ним умереть

3

опадает с глаз шелуха
и постигают они
что подлинная судьба
в непрерывном изгнании

с мест поочередно освоенных
начиная с зачарованных
горизонтов детства
и созревают до мысли
что смерть тоже эмиграция
за последнюю границу тела

Пьеса дом

поднимается занавесь двери
папа одетый под молодого пана
переносит через порог маму
красивую как лилия

сзади публика веселые гости
оркестр играет марш
занавесь опускается

занавес поднимается
вваливаются крышки гробов
исчезает дедушка наряженный в костюм
как камень в воду падает в вечный сон бабушка
занавес опускается

поднимается
крик сестры в колыбели
занавес

поднимается
брат с ручек
занавес
открываются мои глаза

занавес поднимается
со стула отец переодетый
под старого мужчину
благословляет молодую пару кланяется
уходит с подмостков
занавес

деревья на одной ноге заглядывают из сада
в окно аплодируя листьями
– это все
было вчера —
упирается мама

Казимеж Швегодский
(род. 1943), польский поэт,
литературный критик, философ

Вещи

Даже эти самые низкие вещи выросли надо мной,

облегли меня и душили.

Святой Августин, Соп. VII, 7

Стол меня выслушал – замер,
Не подчинился, в древесине застрял.
Только пол пошел наверх
Упорно, как жар.
Над головой еще потолок завис
в ожидании знака,
пока вчетверо стены сожмутся
в обозначенье конца света.
И оказался я в центре сущности —
вещь особая.
Стол от меня отрекался, потолок отрицал.
Верное слово!
Так что разгомонились стихии
и надо мной
встали разом все столы,
древесиной полны.
И был я сам, как та стихия,
которой тело, —
что в собственных берегах не может длиться, —
на мир летело.
И возник на свете большой хаос,
и вещей последний крик,
потому что я, как Бог, в этот мир врался,
а он на моих глазах исчезал.

Ян Вагнер (род. 1971), немецкий писатель и переводчик

Вариации на тему бочки с дождевой водой²

<...>

поднимем доску
и посмотрим в огромный
зрачок черного дрозда.

<...>

под сливой сзади
за домом – спокойная и
невозмутимая, как дзен-мастер.

² Перевод на польский язык – Томаш Ососиньский (род. 1975) – польский германист и классический филолог, переводчик. Перевод с польского – Н. Матвеева-Пучкова.

<...>

это противоположный
вид печи; не дымила,
глотала облака.

<...>

когда кто-нибудь ее пинал,
только булькала, но
ничего не выдавала.

<...>

словно через нее
возвращались загробные миры, чтобы
нас подслушать.

<...>

серебряная дудка
органов, труба отлива
скверной погоды.

<...>

в течение всего лета
тихая; потом во время грозы
даже пенится.

<...>

продолжай, сказала
темнота, лицо распускается
как кусочек сахара.

<...>

старый, как сад
пахнет как лесное озеро,
бочонок стикса.

<...>

приподнимаю доску
и быстро отступаю
пение дрозда меркнет.

<...>

осенью полна,
текут из нее сотни черных
ночных улиток.

<...>

помню еще
идеально круглую
медаль с крысой.

<...>

последняя капля
падает с дерева в тиши
тихий звук гонга.

<...>

мысли без конца,
а в зимний период просветления
как слой льда.

**Ян Твардовский (1915–2006),
польский священник, поэт; сам себя
называл «ксендзом, который пишет
стихи». Участник кровопролитного
Варшавского восстания 1944 года**

Предостережение

Пунктуальная земляника всегда в середине июня
опытный грач улетает на запад
орхидеи венерин башмачок сандалии принцессы
гриб зайчик и подсвинок
коноплянка с желтой грудкой летом красиво зеленая
еще красный рыжик
в октябре коричневые боровики

Не кляни за кровавый ад
ибо мир неплох.

Великая малая

Ищут великую веру когда большое горе

ищут святых что знают наверняка
как далеко отбегать от своего тела
а ты горы перенесла
ходила по морю
хотя говорила верующим
сколь много еще не знаешь

– крошечная вера

Важно

Не забудь о зонтике
ибо тучи собираются
проверь есть ли хотя бы пять злотых в кармане
и это так же важно
как хлеб солнце земля
поцелуи унижение
в очередности забот

Когда говоришь

Не плачь в письме
не пиши что судьба дала тебе пинка
нет на земле безвыходной ситуации
если Бог закрывает двери – то открывает окно

передохни оглянись
падают из облаков
малые большие беды необходимые для счастья
а от обыденных вещей научись спокойствию
забудь о себе когда говоришь что любишь

Виктор Пучков

г. Уфа, республика Башкортостан

Геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корр. РАН. Более 800 научных работ.

Опубликованы три книги стихов и прозы: сборник стихов и стихотворных переводов: «От рассвета до заката», Уфа, ДизайнПолиграфСервис (2011), «Мои высокие широты, мои далекие костры» (воспоминания геолога), Уфа, ДизайнПресс (2012), «Отраженья» (стихотворения, переводы), Уфа, ДизайнПресс (2015).

Из интервью с автором:

Люблю путешествия, живопись и свою дачу.

Мои песни можно послушать здесь: music.lib.ru/editors/p/puchkow_wikto_nikol.

© Пучков В., 2017

Из цикла «По городам и весям»

Афины

Брожу себе, глаза,
По улочкам Музея.

Барселона и Рио-де-Жанейро

Что общего у этих городов?
Ривьера. Буйство красок и садов.
Соблазнов наважденье и искус
И руки простирающий Иисус.

Весенняя Вена

Сирены сирени,
Кипенье и пена
И вальса кружащий напев.

Екатеринбург

*О здании в центре города под названием «Зуб
мудрости»*

Зуб все стоит.
А мудрости – все нет.

Закопане

Купим домик в Закопане —
Заживем, как пан и пани.

Иркутск

Иркутск я не мыслю, с давней поры,
Без Байкала и Ангары.

Квебек-Сити

*– Почему у вас стоят памятники генералам-
лузерам?*

*– А у нас других нет.
(из разговора с квебекцем)*

На площади выходят нас встречать
Участники проигранных сражений.
Здесь бронза не умеет отличать
Восторг побед от боли поражений.

Кембридж

Здесь Дарвин, Седжвик и Ньютон
Всею остальным задали тон.

Киев

Здесь жили прадед мой и дед.
Здесь я давал себе обет:
В мечте о вечном и высоком
Прийти к корням, припасть к истокам.

Пришел. Припал.
И вот со дна
Всплыла кровавая луна.

Край света (Новый Южный Уэльс, Австралия)

Край земли живой и свежий,
Угол дальний, угол новый.
Угол. Только не медвежий,
А скорее кенгуровый.

Москва

Москва уже давно слезам не верит,
На всех «наезжих» смотрит свысока,

И чужака своею мерой мерит,
А зазевался – бьет с носка.

Новосибирск

Новосибирск? Я с ним слабо знаком пока.
Но он неподалеку от Академгородка.

Осло

Звучит торжественно и твердо
Слиянье города и фьорда.

Стамбул

Город на двух континентах веками стоял.
Видел набеги, погромы и смены империй.
Сценою был экзотичных и странных мистерий
И пестротою восточной меня обаял.

Сыктывкар

За полвека следы замело.
Я приехал, чтоб вдруг подивиться:
Помню – было большое село.
Нынче – маленькая, но столица.

Тула

*Фирма веников не вяжет.
Фирма делает гробы.*

Здесь и впрямь не вяжут веников:
Это город оружейников.

Уфа

То тут, то там – веков заветы —
Парят, соперничая в вере,
То купола, то минареты.
И манят, будто в небо двери.

Уфа

Уфа приятна, нету спора.
Но не таит от пронизательного взора
Приметы, что несут следы
Безвременья и беды,
Насилья и вселенского позора —
Как фаллос Дружбы на костях Собора.

Фрайберг

*Во Фрайберге находится старейшая в мире
(осн. в XVIII в.) Горная Академия. В ней учились
Ломоносов и Гумбольдт.*

Славен будь этот город,
Горделив, как немногие:
Рядом Рудные Горы —
Колыбель геологии.

Франция – Испания

Позади меркреды, впереди вендреди,

А вдали —
Сальвадор Дали.

Хельсинки

Кругом лежат «бараньи лбы» —
Приметы ледяной судьбы.

Чехия и Прага

Милы мне Чехия и Прага,
Люблю я этот древний край.
И человеку жить здесь – благо,
Ну а собачкам – просто рай.

Китай

Ты прав, мой друг, когда мечтаю
Познать судьбу и дух Китая,
Идешь не на дворцов пиры,
А в переулки и дворы.

По белу свету

Молодость

Помнишь: берег и брызги соленые,
Не вернуть их и не повторить.
Были мы молодые-зеленые
И явились, чтоб мир покорить.

С нас еще не слетела окалина —
От избытка здоровья и сил
В экспедицию: рейсом до Канина
Ветер странствий отряд уносил.

Предстояли нам топи болотные
И маршрутов пунктирная нить,
Комарье да ночевки холодные —
Ну да что там о них говорить!

Били волны по молу как молотом
И стегала по лицам вода.
Были мы так бессовестно молоды,
Ах, как молоды были тогда!

На Канине Камне – туман

Темнело небо. Синий Демон
Над тундрой крыльями плеснул...
Устало скажешь: «Где мы? Где мы...»
А день уснул. А день уснул.
А день уснул...

Туманы быстры и безбрежны
Ползут вослед, вослед, вослед,
Глаза смежают – тихи, нежны,
Все как во сне. Все как во сне.
Все как во сне...

Ручей бормочет полувнятно,
Бурчит в бреду: «Бредут, бредут...»
В далеком лагере ребята
Напрасно ждут. Напрасно ждут.
Напрасно ждут...

В озерной шири птичьи плачи.
Седой туман – как снег, как снег...
Одни разлеты куропачьи
Звучат как смех. Как смех.
Как смех.

К ночи

По тундре – ни души, ни дыма.
Вступает Ночь в свои права.
На склонах сопок нелюдимо
Бурее жухлая трава.

И днями солнце – мягче, кротче:
Не греет плеч, не слепит взор.
А ночью – гуси, снег пророча,
Летят во сне на блеск озер.

Карты предстоящей экспедиции

Мы гадаем над картами,
На страну непохожими,
Где пути не указаны,
Где края не исхожены,

Где окажется чертовым,
Невезения крайностью,
И болото – что в черточку,
И камень – что в крапинку.

Там за знаками малыми
Встанут горы нескладные
С их отвесными скалами,
С их безвестными кладами.

Там точнее и пристальней
Каждый шаг выверяется,
Там на прочность, как исстари,
Человек проверяется.

Что-то выпадет вынести
На излучинах выгнутых?
Где-то ливни нас вымочат?
Где-то солнышко высушит?

И как вывьется линия,
Что Судьбой называется,
Что, как ленточка синяя,
Вдаль, в туманы, скрывается?

Буровая

Там, где поляна боровая,
Где спит кипрей лиловым сном,
Назавтра встанет буровая —
И все поставит кверху дном.

И посреди рассветной рани
Впрягутся трактора, ярься,
В дорог расплавленные длани
И в раскорчеванную грязь.

И вышка на поляне рваной
Расставит сталь станинных ног,
И по логам, молвою рьяной,
Задышит – загудит станок.

И зверь пойдет тропой иною,
И первый раз, за сонмы лет,
Перед упругостью стальной
Стеной отступит старый лес.

Покатаются за сини горы
Тайги озерные глаза...
Здесь будет газ.
Здесь будет город.
И не найти пути назад.

Труба

Ревет поток, слепит закат,
Действительность груба:
Наш плот проходит пережат
С названием «Труба».
Труба, Труба —
кому труба?

Вода пылится на пути,
У скального горба.
Спешу решение найти.
Не то – всему труба.
Кому Труба? —
Тебе – труба!..

Но хоть поломано весло,
Погибнуть не судьба.
Ура! Победа! Пронесло! —
В башке гремит труба.
Труби, труба!
Греми, груба!

Рюкзак – под куст,
Плот – на прикол,
Холодный пот – со лба...
А там, в ночи – рычит дракон

По прозвищу «Труба».
Суди, судьба!
Труби, труба!

Песенка вечного туриста

Карпаты, Карпаты, Карпаты
Осенней красою богаты:
Крутыми лугами взбегают стога
В леса, где в листве утопает нога.
Прости, дорогая, прости:
Такие мне выпали нынче пути —
Прости, дорогая, прости.

В Саянах, в Саянах, в Саянах,
В потоках ревущих и пьяных
Летят над стремнинами наши плоты
Со страхом в обнимку и с риском на «ты».
Прости, дорогая, прости:
Такие мне выпали нынче пути —
Прости, дорогая, прости.

На Кольском, на Кольском, на Кольском
Стою я на камушке скользком
Без карт, без тропы, вдалеке от жилья,
Стою, отбиваясь от туч комарья.
Прости, дорогая, прости:

Такие мне выпали нынче пути —
Прости, дорогая, прости.
А есть ведь еще и Урал,

Я там никогда не бывал.
На юге там жаркое солнце печет,
На севере речка Печора течет.
Прости, дорогая, прости:
Но, кажется, долго я буду в пути —
Прости, дорогая, прости.

Горы

*Брату – альпинисту, восходителю на Эверест в
1982 г.*

Говорят, в начале было слово.
Эта байка, право, не нова.
Но упрямо повторяю снова:
Горы были прежде, чем слова.
Где, когда – забыл. Но строки эти
Врезались в сознание, как беда:
«Кто не видел горы на рассвете —
Не узнает счастья никогда».

Я поверил – и судьбе в угоду —
От программы драм и мелодрам —

Каждым летом уходил я в горы
Как в таинственный и светлый храм.

Понапрасну счастьем ладил сети:

Сети – рвань.

Да горе не беда:

Кто увидел горы на рассвете,

Те душою молоды всегда.

Финиш виден. Время ставить точку.

Но как хочется вернуться мне порой

В ту давно ушедшую цепочку,

В небо устремленную Горой.

Их пути – туда, где снег и ветер,

Сквозь лавины и оскалы льда.

Те, кто видел горы на рассвете,

Да пребудут счастливы всегда!

Зов тайги

К трудягам-шоферам на чай

Забросил случай невзначай.

Дороги долги за спиной,

Снега да сосны за стеной.

С порога так далек порог

Порой заснеженных дорог.
Пора дождей, пора ли выюг —
Судьба чумазных шоферюг.

Судьба, что вдруг зовет с собой:
Вот все пути, бери любой.
Перебирать их нет причин:
Здесь все пути – пути мужчин.

И в сердце вдруг стучится клич
Краев, где не дичится дичь,
Где на обочину зари
Слетят к машине глухари,

Где сосны скроют, закружив,
И только свяжет – если жив —
Дорога, дорогой ценой,
Людей – с людьми. Тебя – со мной.

Молчи, ни слова не скажи,
Лишь чутче ухо приложи:
В моей груди живут с тех пор
Дорога. Снег. Сосновый бор.

По Кожьіму

Не у Божьего крылечка,

Не у черта на рогах —
Затерялась эта речка
В дальних северных горах.

Там у пенного прижима
Мы свой лагерь разобьем.
Ты на карте покажи нам,
Где на воле заживем —
Покажи, где на Кожыме
Мы на воле заживем.

Там, где ветер завывает,
Там, где скалы да тайга,
Ток хрустальный омывает
Золотые берега.
Не до жиру, быть бы живу!
За бока судьбу возьмем.
По Кожыму, по Кожыму
Прикажи нам – проплывем.

Повстречает наши лодки
Переката шумный вал.
В нем когда-то самородки
Сам Туманов намывал.
Но не жадностью наживы —
Жаждой странствий проживем,
Будем живы – по Кожыму,
По Кожыму проплывем.

Нас ужасно беспокоит —
Неизвестно, почему —
Где экватор был, где полюс
Миллионы лет тому.
И надеждой одержимы,
Что не зря еще живем,
По Кожы́му, по Кожы́му
Пока живы, проплывем.

Там, где нас нет

В Калининграде —
Льда изломы
И грязи стылая кора.
За грудую металлолома
Стоял у пирса наш корабль.

И в этом слякотном мерцанье,
Среди авральной суеты,
В предкругосветном ожиданье
Мы были с Глобусом «на ты».

И невзначай о теплом юге
Со вздохом вспоминали мы
Среди промозглой, липкой выюги —
Ведь есть края, где нет зимы!

Но вот я – черный, как копченый —
Привычно к палубе прирос:
Какой там, к черту, я ученый,
Я – недоученный матрос!

Палят лучи, идет работа
Без суеты, без дураков,
И ручейки седьмого пота
Стекают в блюдечки очков.

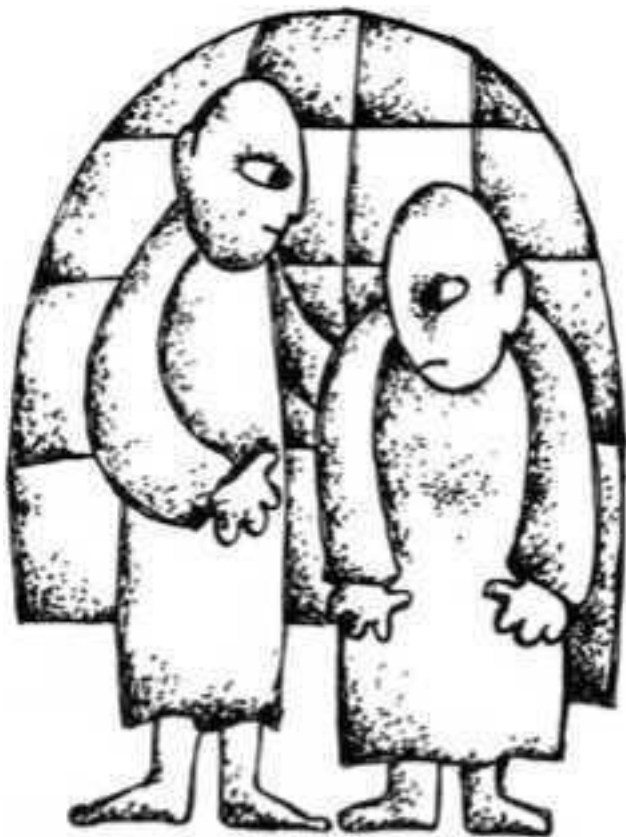
Кто о земном зеленом рае
Меня лукаво уверял?
Что я забыл в далеком крае?
Что в чуждом мире потерял?

Кого виню, кому вменяю?
Досада на себя берет.
Да я все пальмы променяю
На тень листвы родных берез!

Пора линять!
Но мне знакомы
Все парадоксы прежних лет.
Домой мы рвемся. А из дому
Туда нас тянет, где нас нет.

Польют дожди, не утихая,
Придет печальная пора...
Скажу, мечтательно вздыхая:

– Ведь надо ж! ТАМ сейчас жара!

Острова в океане

Утих океан. Проклиная
Бессонниц его маяту,
На мостике вахта ночная
Тревожно глядит в темноту.

Страда расстояний за нами,
Устало режут дизеля.
По левому борту огнями
Маячит чужая земля.

Душа притомиться не хочет,
И мысли уносят меня
Из душной тропической ночи
В сиянье осеннего дня,

Где был я моложе и проще,
Любил тех, кого уже нет,
И листья пылающей рожи
Листал, словно летопись лет.

Но чудо минувшего мига
Уже заставляет жалеть,
Что жизнь непрочитанной книгой
Осталась едва ли на треть.

И день, что бессмысленно прожит,
И жжет, и тревожит во сне,
И каждая строчка дороже,
И каждая буква в цене.

И вчуже покажется странным,
Что снова назад возвращусь,
Рубцуются старые раны.
Рождается новая грусть

О том, что таилось в тумане,
О том, что жило в тайниках:
Что мы – острова в океане,
И не докричаться никак.

Пейзаж с видом на Везувий

Мир и спокойствие. Гора.
Лоза. Олива.
Благословенны вечера
И гладь залива.
Но вдруг внезапно задрожит
Вода в стакане —
И ты поймешь, что значит жить
«Как на вулкане».

Дары моря

*Нине. Приглашение к ужину на сиднейской
Ривьере*

Ну так что же нам нужно для ужина?

Дюжина

Устриц; горка мидий, пара ломтиков семги,
лимона долька.

Но и не только:

Еще необходимы разнообразные

Ракообразные.

А также нужна

Бутылочка белого сухого вина

Урожая 2010 года.

И, конечно же, солнечная, сухая погода.

Плюс, всего этого кроме, —

Моря кромка,

Вечер, почти закат,

Говорливый прилива рокот и перекат.

Далекого паруса провожание взглядом.

И чтобы ты была рядом.

Гауди (из каталонского цикла)

Максиму Пучкову, сыну, архитектору

Он слыл сумасшедшим.
А может, и был им.
Иначе как смог он из глины слепить целый город,
Иначе как смог он суметь,
что за каждым углом Барселоны
Все ждешь заприметить какое-то новое диво:
Калитку, решетку, ажурную башню, перила —
Чтоб сразу узнать без ошибки: Ну как же, конечно!
И к ним прикоснулся рукою затейник Maestro!
Как смог он иначе настроить роскошных дворцов,
И церквей,
И больниц
И при этом
Закончить все счета с судьбою в приюте для бедных,
И все же
Войти в словари своим собственным именем:
GAUDY!³

Невозвратимая страна

³ Яркий, кричащий, безвкусный, цветистый, витиеватый (англ.)

Судьба меня по свету потаскала:
Я повидал и в памяти сберег
Огни Парижа, сколы скал Байкала,
Волну Сейшел —
И Запад, и Восток.
Но есть края, куда уже не вольны
Пробиться никакие корабли:
Похоронили медленные волны
Страну, где годы вешние прошли.
Где вечерами полюбилось слышать,
Как мирно дышит спящая земля,
Где теплый дождь,
Что ровной строчкой вышит —
Как он колышет спелые поля.
И в речке плеск воды неугомонный,
И птицы сонной
Резкий вскрик в лесу —
Я все запомнил. Голос этот звонный
У сердца, через годы, пронесу.

Мосты и тоннели

Содержание цикла:

Виктор Мирошниченко

Александр Осень

Александр Сёлляр

Виктор Мирошниченко
г. Москва

Родился в Челябинске. Работал психотерапевтом. В 2001 году сменил профессию, с этого времени возглавляет HR службы крупных российских компаний.

Самодельный писатель и поэт, произведения публикует в сети Internet.

Из интервью с автором:

В 90-х имел привычку петь свои песни под гитару в переходах метро, излюбленным из которых считаю переход «Театральная» – «Охотный Ряд».

© Мирошниченко В., 2017

Технология лекарства

– Мне снился сон – я стою на берегу реки и смотрю на мост, гигантским животным перекинувшийся через ее широкую спину. У моста напрочь отсутствуют ограждения: открытый и прямой, он словно линейка, переброшенная с одной плоскости на другую. Вода в реке бежит шумным сердитым потоком. По мосту непрерывно движутся машины. То и дело некоторые срываются в воду. Они падают, точно звезды, в ритме старого замедленного фильма. Мне сказали, что в одной из машин еду я. Всматриваюсь, пытаюсь угадать – в какой же? Вот еще две машины плавно скользнули с моста в мутный поток. Я была во второй. Небо смыкается надо мной

сероватой липкой массой. Я поворачиваюсь и ухожу с моста.

Девушка – молодая, красивая, я бы сказал, эффектная. Но мое обоняние улавливает исходящий от нее... какой-то нежилой дух. Мысли и чувства в душе разбросаны, точно старые вещи в кладовке. Она молчит и глядит сквозь меня. Непроизвольно ловлю ход ее мыслей: «Все психоаналитики похожи, сейчас начнется интерпретация...» Хорошо еще, что не говорит «вы – моя последняя надежда!» или что-то в этом духе. Значит, какая-то толика сил у нее еще осталась. Можно ведь продержаться еще немного, зачем торопиться?

– Возможно, ваша душа устала от жизни и социума, она стремится к покою, поэтому все желания приобретают абстрактную форму, реальность становится иллюзорной. Иллюзию всегда хочется променять на что-то вещественное, живое. Иначе зачем вообще нужны эти иллюзии?

Тишина. После долгой паузы я продолжаю:

– В квинтэссенции же мы имеем параноидальное стремление к смерти, осуществляемое как бы посторонними силами, которые гораздо сильнее нас. Хотя... вас и без меня пугали чем-то подобным ваши лечащие врачи.

Опять долгая пауза. Девушка, застыв, смотрит в сторону. Громоздкие фразы растекаются в ее сознании медленно, неохотно. Она скоро не сможет выносить эту тишину. Но «запустить» ее сознание все же придется.

– И что же делать? – наконец спрашивает она, машиналь-

но, потому что надо же что-то спросить, потому что силы начинают покидать ее, как в открытом море они покидают пловца.

– Не индульгировать, – ответ приходит ко мне так же машинально. Мне надо сосредоточиться, иначе и мне недолго лишиться сил! И тогда уж я точно не смогу помочь.

– Спасибо, доктор! Не индульгировать. Все просто. Как дважды два. Ну и что же такое «не индульгировать»?

Я больше не попадаюсь на удочки. Все, никаких советов и объяснений. Она пыталась покончить с собой девять раз. Теперь, прежде чем окончательно свести счеты с жизнью, эта девушка захочет, как минимум, узнать, что значит «не индульгировать». У нас есть отсрочка! В нашей ситуации и какие-нибудь несколько часов – на вес золота.

Мне вдруг вспоминается моя пациентка Марина, которая и привела ко мне бедную девушку. Вроде они подруги. Марина в суровом ремесле самоубийцы не такой уж профессионал – она пыталась покончить с собой всего три раза. Почему именно ко мне? Сама Марина перебрала психотерапевтов и аналитиков всех мастей, думаю даже, и колдунов с шаманами, она наверняка лучший специалист по мозгоправам в Москве! Впервые придя ко мне, она предложила пообщаться безо «всяких там терапевтических закидонов». Так до сих пор и общаемся. О чем – и сам не пойму. Понятно, что встречаться подругам сегодня нельзя, и поэтому я должен придумать занятие моей новой подопечной. Работаю даль-

ше, «включаю» лень и безразличие.

– Вы на машине?

– Да.

– Какая у вас машина?

– BMW.

– Откуда такие деньги?

Провоцирую, безусловно, рискую, играя под простака, посмотрим, куда это нас вынесет.

– У меня есть деньги, потому что я умею строить. Наносить на белые толстые листы сложные узоры будущих материальных творений. Я могу строить где угодно: в горах, на песке, под водой, в условиях вечной мерзлоты... Еще я делаю дизайн. Я могу заменить естество природы эрзацем, это доставляет людям эстетическое наслаждение. То есть могу менять изначальное на иное. И только жить я не умею. Я не знаю, как это делать. Каждый раз, пытаюсь умереть, я хочу уйти насовсем – но каждый раз судьба вменяет мне очередной отрезок жизни – до следующего раза.

– Подожди...те, дальше буду говорить я. Остановите меня, если ошибусь. В первый раз это была пригоршня горького белого этаминал-натрия, мерзко хрустящего на зубах. Дальше все вроде легко, но проснулись вы в больничной палате. Старенькая нянечка, заглядывая вам в глаза, что-то приговаривала, качаясь в такт своим словам влево-вправо, как заведенный маятник древних, «убитых» часов. Чуть позже, втягивая в себя непривычный больничный запах, вы

отвечали на вопросы молоденького инспектора, чьи неловкие пальцы переворачивали тонкие листы пронумерованной желтоватой анкеты. «Дата рождения? 25 лет назад. Почему вы пытались сделать это? Я не умею жить. Почему ваши двери были открыты? Я никогда не закрываю дверей. Никогда? Никогда». По зеленым обоям ползет божья коровка, крапленая мелкими черными точками. «Мне не нужна жизнь, зачем мне закрывать двери? От кого?» Выходя из больницы, вы готовились к тому, что не будете жить.

Но жизнь – эта тягостная сущность – возобновилась. До тех пор, пока... вы не свернули на своей первой машине (каких-нибудь «Жигулях») с автострады на гулкую пустынную улицу... И вдруг то, что вы безотчетно искали, само бросилось вам в глаза – массивные бетонные пласты, растянувшиеся поперек намокшего от грязи и снега асфальта. Разогнавшись, вы направили машину прямо на них...

Позже, лежа в гипсе с поломанными ребрами, вы вспоминали, как вашу капсулу смерти развернуло в метре от бетонных плит, как ее крутануло на мокрой каше, ударив сначала задним, а затем и передним крылом о бетон, как скрежетал металл, словно стираясь о гигантский точильный круг. Как сыпались искры, пронзая ослепительными огнями меркнущую реальность.

После чего наступило продолжительное, хоть и шаткое равновесие. Вы мучительно удивлялись каждому новому дню, подаренному роком. Зазывные лучи неяркого солнца

будили в вас одно беспокойство и усиливали гнетущую тревогу. Эти лучи заставляли жмуриться неуклюжих рабочих в форменных темно-синих комбинезонах, что растягивали новенький виниловый навес над магазином «Подарки», когда девятью этажами выше вы шагнули с балкона своей квартиры. Вывихнутые лодыжки болели пронзительно и долго.

Потом появился он. Его звали...

– Олег.

– Да, появился Олег. Никогда еще вы не пытались умереть так быстро и страшно: ведь вы панически боялись, что старый пегий ворон, прилетающий каждый день к вашему дому, выключает Олегу глаза. Вы стали убивать себя еще методичней и чаще. Резали маникюрными ножницами сонную артерию, жгли себя огнем, мастерили петлю из обветшалых кусков каната, обнаруженных на антресолях, вводили острое лезвие кухонного ножа в мягкую жилку на животе.

Олег терпеливо зашивал раны, прикладывал растворы к ожогам, вынимал ваше бедное тело из петли и бил наотмашь по лицу, а потом... судорожно целовал вас в залитые слезами глаза. Он не спал ночами, дежурил у кровати и, нервно сглатывая, повторял одно: ты нужна мне, глупая! В одно прекрасное утро, открыв мутные глаза, вы пообещали ему, что будете жить – вопреки всему.

Но однажды вечером Олег не пришел. Потому что он умер. В телефонную трубку осторожный голос сообщил вам об этом.

В туалете кинотеатра, во время фильма про двух офицеров, любивших девушку в инвалидном кресле, вы уронили голову в глубокую раковину и отворили кран. Вдох – и легкие наполнились водой, и вы сползли на пол. Маленькая плоская женщина стояла над вами с широко открытым ртом, она кричала, но крик ее был беззвучен. Скорая помощь отвезла вас сначала в реанимацию, потом в психиатрическую клинику. Там без малого полгода вы блуждали по кривым утоптаным коридорам. Глотали таблетки, лишь опытным путем определяя, какие впредь будете выплевывать, чтобы не повторилось это адское жжение в груди.

Там вы встретили психически неустойчивую Марину, вашу будущую подругу. Вскочив однажды ночью (вас разбудило приторное беспокойство), вы спасли ей жизнь. Она распласталась на полу возле кровати, из ее левого запястья ритмично бил кровавый ручеек. Вы уважительно поцокали языком: сработано на отлично! Большой канцелярской скрепкой она методично раскурочила руку, выпростала артерию, аккуратно поддев ее своим нехитрым инструментом, а затем порвала. Девушка лежала, неестественно выпрямившись, в глазах ее угасало беспомощное сознание, а из выброшенной в сторону изуродованной конечности сcejивались в черную лужицу остатки жизни. Раскрытая скрепка валялась здесь же. Вы лишь спросили: «Марина, ты жить хочешь?» Губы ее раздвинулись, левый глаз нервно дернулся.

Вы перетянули рваную руку бинтом и растерли Марино

тело полотенцем, искренне надеясь, что обойдется без пере­ливания. «Зачем? – коротко спросили утром. «Выписывают меня сегодня, – жалобно пролепетала Марина. – Домой возвращаться страшно... Но теперь-то точно не выпишут!» – добавила она, кивнув на жуткие, уже начавшие зарубцовываться шрамы.

Вы повязали красный бант поверх бинта, опоясавшего по­раненное запястье. Здесь не принято расспрашивать, зачем женщинам эти красные банты. Помеченная кумачовой по­вязкой, Марина отправилась домой.

А вы... вы так и не поняли, чего же она желала больше – умереть или остаться.

Вас выписали примерно через месяц.

– Ну, ты как? – спросила Марина, когда вы встретились.

– Плохой сон...

– Есть тут один... Специалист по снам и подсознанию, – смешно закатив глаза, поделилась Марина – Только... чего ни говорит – ничего не понятно!

Возможно, вам просто понравилось, как она выглядела (со стороны Марина смотрелась вполне обыкновенной де­вушкой, ничто не выдавало в ней самоубийцу).

Вот так вы очутились в моем кабинете.

– Но откуда вы...

– Вы хотите спросить, откуда я все это узнал? Да ниот­куда. Я не из тех, кто много знает. Но я расскажу вам о си­лах, что намного могущественнее нас с вами. О силах, в су-

ществовании которых, надо заметить, я абсолютно уверен. Назовем их ангелами, просто так привычнее... Это они настежь отворяют дверь порывом сквозняка, и сосед осторожно заходит узнать, все ли у вас в порядке. Это они разворачивают машину на скользкой грязи перед бетонными блоками и поторапливают рабочих, растягивающих навесы, которые превратятся в спасительные тенты. Наконец, они решаются на предельные чудеса, обращаясь к людям, которые сохранят вам жизнь. Ангелам положена безграничная власть, дабы отвести вас от смерти ранее положенного срока.

Но слабость ангелов в миру всем известна. Я много раз видел их ползающими, точно покалеченные пчелы, жуящими свой язык, вместо того чтобы петь. Они околачиваются возле автобусных остановок и прячут крылья, покорно перенося свой короткий век на Земле. Они засыпают в тени друг друга, и лучшее для них – прибиться к какому-нибудь страннику. Вы уже знаете, они одаривают чем-то большим, чем просто удовольствие и комфорт, – упоением вечностью безо всякого страха смерти; они дарят поцелуи, летящие с самих небес. Мало кто может помешать могущественным ангелам выполнять свое предназначение. Но вот в чем дело – им мешаете вы! Одной скверной мыслью или намерением своим вы вольны лишить хранителя земной оболочки, и единственное, что ему останется, – это отправиться на небо, чтобы продолжить там свою вечную службу.

Но отчего бы вам не научиться дружить с ангелом? Вы

можете просто общаться, не думая ни о чем, любить его, как своего ребенка, и тогда что-то важное поселится в вашем сердце, вытеснив тоску и нежелание жить. Скажу вам больше – это, пожалуй, единственный путь к обретению счастья. К сожалению, люди в большинстве своем этого не понимают.

– Наверное, я из их числа. Как же угадать ангела среди множества людей? Если верить вашим словам, до сих пор они сами находили меня...

– Есть лишь один способ: настройтесь на встречу и внимательно смотрите вокруг. Люди говорят: сердце подскажет. Да, ваши ангелы изрядно вымотаны и разочарованы, они уже боятся вас и того, что вы творите. Но вам они – необходимы! Поэтому, самое главное, стараетесь найти их и каждую секунду будьте готовы к встрече. Эти существа не злопамятны, а это, поверьте, уже хорошо!

А сейчас, если можете, подвезите меня на «три вокзала».

– Да, конечно! – сразу откликнулась девушка с каким-то даже облегчением.

Она вела автомобиль аккуратно и ровно, я открыл окно, в теплый салон, пахнувший сигаретами и тонким парфюмом, ворвались волнующие и грустные осенние запахи. Сегодня я подарил человеку, как минимум, один день жизни. Это не так легко, оказывается, вручать подарок, в котором не нуждаются. Угадать же, подарить что-то действительно нужное – это, безусловно, чудо. Чудо – вот чего нам не хватает. Сегодня я буду играть до конца – только бы девушка не подве-

ла. Сейчас закрою глаза, и она опять разорвет ненавистную тишину.

– Зачем вам «три вокзала»? Уезжаете?

Я отрицательно помотал головой:

– Нет. Я хожу туда слушать поезда. Встаю, повернувшись спиной к Ленинградскому, на самый край мраморного бордюра – и начинаю. Я могу услышать любой разговор у произвольно выбранного вагона, на любом из путей. Я не вижу всех этих людей и поэтому называю это «слушать поезда». Это получается непроизвольно, даже не знаю, как объяснить...

– Вы странный...

– Я знаю.

– Я выйду с вами, куплю воды, очень хочется пить.

Я знаю – от антидепрессантов всегда ужасная жажда. А как наконец напьешься, кажется – все ужасы позади. Еще от них зверски хочется есть. Наверняка моей подопечной девушке захочется подглядеть, как я буду «шаманствовать». Слава о патологиях психотерапевтической братии бежит впереди реальных дел; каждый пациент с превеликим удовольствием проследит за своим доктором, когда тот «чудит».

Я встаю на бордюр и оглядываю терема Казанского вокзала, девушка отправляется за минералкой в киоск. Она скрывается с глаз моих, но я слышу, я ощущаю ее. Коротко заказывает воду, проворно сворачивает крышку, затем принимается пить – большими глотками, жадно, похмельно, совер-

шенно не стесняясь; влага приносит чудесное облегчение, разгоняет муть, просветляет взор. И вот уже страдальца по-новому глядит на золотистую солнечную площадь со всем ее разноликим населением и пестрым орнаментом.

«Благословен Еси, Господи!..» – я сосредоточиваюсь и развожу в сторону руки, будто стою на заснеженной вершине, а не на камне привокзальном. (Если вы думаете, мой друг, что ваша вершина где-нибудь в недосыгаемой дали, вы глубоко заблуждаетесь! Просто осмотритесь, она наверняка рядом, смотрит на вас.)

Внезапно площадь в глазах девушки трескается и двоится, словно видимая сквозь призму. Пространство изломилось, машины и люди народили двойников, что тотчас начали скользить, карабкаться по перпендикулярным осям. Один, два, три... Считает мелькающие автомобили... Четыре, пять, шесть... Кажется, во сне они двигались медленнее... Семь, восемь, девять... Девушка ловит рукой воздух, ей требуется опора, чтобы не упасть...

«Благословен Еси, Господи! Боже, Отец наших!» – продолжаю я.

Но вот мир качнулся, вздрогнул и – вновь собрался в единое целое. Прямо напротив моей героини стоит мальчик лет десяти, внимательно глядя на нее сквозь толстые очки в неуклюжей коричневой оправе. Одежда на нем – старомодная и бесформенная, однако чистая. Таких пацанов здесь пруд пруди, я знаю – они тянутся в Москву из областных

детдомов. Предоставленные сами себе, закаленные в войнах жестокого детства, эти мальчики являют собой часть «мировой души», напроць сокрытой от обывательского взора.

Как знать, может, они – последние на Земле, кому известно, что такое милосердие и как отличить его истинное лицо от напыленной маски. Эти мальчики умеют все или почти все, потому что – кто же еще сделает это «все» за них? Никто. Они давно знают меня в лицо и, в отличие от большинства, вовсе не находят меня «странным». Мальчик глядит на девушку пристально, в упор.

«Ну, давай, милая, это нетрудно: настройся на этот взгляд, прочитай его и порви наконец тишину, которую ты не выносишь!»

– Тебя как зовут?

– Вовка, – отвечает мальчик, поправляя очки.

Она молчит. «О боже! Ведь это так просто! Невозможно не понять Вовкин взгляд!»

– Есть хочешь?

«Наконец-то удача! Он постоянно хочет есть, вот уже лет пять, как хочет!»

Вовка неторопливо и даже небрежно кивает. Не так уж это легко, небрежно кивать, если сутки не ел!

Девушка покупает Вовке блины, и, хотя они только со сковороды, Вовка поедает их как есть, раскаленными, будто и не обжигаясь. Зрелище – поразительное. Доедает последний, а девушка тем временем берет ему кофе с пирожным.

«Благословен Еси, Господи, за то, что посетил нас и явил избавление!»

Еще четыре булки и кофе... «Силен! Ну, Вовка! Атеперь скажи все просто и прямо – как обычно и говорят мудрые».

– У меня отец пьет, – тихо и как-то виновато говорит Вовка. – А мама умерла три года назад. Меня забрала бабушка в Коломну – да тоже умерла через полгода. И я там в детдоме. Через год приехал к отцу в Москву, просто навестить. Он был пьян, не заметил – не что приехал, а что меня целый год не было. Теперь, когда в Москве, – к отцу не захожу.

– Как же тебя отпускают одного в Москву?

– А никого не отпускают, мы сами уезжаем. Воспитателей и поваров вообще в выходные нет. А чего там делать? В Москве мы хотя бы прокормимся. Спасибо вам!

– Пожалуйста!

«Девушка, милая, разговор этот вот-вот закончится, а Вовка исчезнет, навсегда! Действуй, не теряй времени, мгновения эти неповторимы, как и любое чудо».

– Вовка, а ты знаешь, что такое «индальгировать»?

– Конечно, – важно отвечает тот. – Это когда грехи отпускают. Даете деньги – вам отпускают грехи.

Сердце девушки начинает трепыхаться в грудной клетке и отдается – где-то в горле уже, тяжело и больно. «Не сдерживайся, милая, не губи того, что в тебе принялось... Говори – иначе твое бедное сердце не выдержит! Решайся!»

– Вовка... пойдём ко мне жить! – проглотив комок, гово-

рит девушка.

Сердце бьется внутри нее, словно раненый механизм, что вот-вот разлетится на куски.

– А ты детей любишь? – мальчик смотрит очень внимательно, испытующе. «Этот парень, пожалуй, помудрее многих взрослых будет. Попробуй-ка соври такому – сразу прогоришь!»

– Не знаю, – вздыхает она сокрушенно. Это, к счастью, правда.

– А меня – будешь?

«Спасибо, Господи! За людей с душой светлой, спасибо за ангелов, что готовы жить и надеяться, хоть их обманывают и ранят все... С какой же легкостью доверяют они свою душу – до скончания времен! Теперь уже не важно, что ты ответишь, милая девушка, – Вовка не оставит тебя, ты только искренней будь!»

– Тебя – буду. Точно буду.

Вовка снимает очки. Глаза у него светло-голубые, с маленькими серыми крапинками.

– Тебя как зовут?

И в самом деле, как? Люди, что приходят ко мне, бывает, забывают представиться, а еще бывает – скрывают свои имена.

– Анна.

– Красивое имя, – Вовка одобрительно кивает и водружает очки обратно.

Сердце Анны стучит все еще напряженно, но уже ровнее, спокойней. Она держала, быть может, самый сложный свой экзамен – сегодня. И сдала. Анна непроизвольно поворачивается в мою сторону, ищет меня – напрасно! Ровно на секунду я опередил ее – прыгнул вниз и стал невидим. Произошедшее сегодня – случилось между Анной и Вовкой. Я тому лишь свидетель.

Вовка берет Анну за руку:

– Пойдем домой, Анна, скоро стемнеет.

«Благословен Еси, Господи! Благодарю за то, что дал нам нас самих как единственно возможное лекарство от всех недугов; что учишь пользоваться этим лекарством; что кто-то, безусловно, научился и познал жизнь и любовь вечную! Благословен Еси, Господи, Боже, Отец Наших! Благословен Еси!»

Путешествие по эпохам (подлинная история Джосера и Хатшепсут)

Посвящается моему руководителю и учителю академику РАН Смирнову Игорю Викторовичу с благодарностью

Если говорить честно, то мы в нашем научно-исследовательском *институте* и не такое делали. Величайшие метаморфозы всемирной истории и наших клиентов для нас – как

прозаическая зубная боль для опытного стоматолога. Впрочем, известная доля отваги для наших исследований необходима.

Что касается моего руководителя, то он давно работает с какими-то историками и влиятельными политиками, представляя им бесценный материал из прошлого. Он легко «вселяет» исследователя (точнее все-таки, «психику» исследователя) в любого ранее реально жившего человека (опять же, точнее сказать – в «психику» этого человека), при этом неважно, на сколько веков ранее этот человек жил. Реалии сквозь 3,5 тысячи лет настолько достоверные, что мне до сих пор не верится, что это все-таки «иллюзия».

Шефа и его спонсоров интересует Джосер, они до сих пор не могут понять, как он стремительно взлетел и стал фараоном Египта, хотя был неприметным жрецом. Я сам пока этого не могу понять, хотя я и есть Джосер, во всяком случае последние несколько месяцев. Конечно, я – исследователь, снабженный легендой и натренированный, которого «вселяют» в Джосера; при этом никаких чудес, конечно, не происходит – мое тело всегда пребывает в нашем институте, оно никуда «не перемещается во времени», и любой интересующийся человек может это проверить.

Хатшепсут мне снится каждую ночь. Песок, набившийся в ее сандалии, мешающий ей идти. Одежда из домотканой марлевки, полупрозрачной и лиловой. Узкий золотой обруч в волосах. Жрецы заставляют ее подниматься по ступеням

полуразрушенного покинутого дворца, по ступеням неестественной высоты, заставляют идти одну по утеревшим кровлю галереям, в которых лежат и стоят урны с прахом ее предков – царей и цариц Египта. Маленькая царица, чье сердце колотится под худыми ребрами, маленькая царица, стремительно летящая с ненавистью мимо алебастровых вместилищ былого величия, задирающая голову, чтобы разглядеть странный кованый светильник с фигурками зверей и птиц. Она поворачивается ко мне и впивается в меня бирюзовым взором или изумрудным, когда каким. Большие прекрасные глаза, почти без зрачков. Крупный план. Стоп-кадр. Обрыв. Будильник... Доброе утро!

Я встаю и иду в институт, чтобы «переехать» в Джосера и опять встретиться с ней. Это уже будет реальность, но тоже похожая на сон. Наваждение. Я понимаю, что тривиально и нелепо влюблен в отдаленную от меня тысячелетиями девушку, как дети влюбляются в персонажи романов. Наверное, руководитель специально выбрал меня на эту работу. Он считает, что я подхожу к исследованиям «с душой», а полное включение делает удаленную от нас реальность более яркой и ощутимой. Так или иначе, меня тянет в лабораторию, меня манит время, в котором живет Хатшепсут, эта поганая эпоха, отмеченная убийствами, казнями, исчезновением людей и мятежами. Когда Джосер станет фараоном, все это прекратится. Но как? Мне осталось примерно месяц до этого события, а я все там же – обычный жрец. Может быть, я

– Джосер, никогда не станет фараоном? Может быть, реальный Джосер не любил Хатшепсут, поэтому и смог стать правителем? Я устаю от этих вопросов. Реалии Древнего Египта не менее сложны, чем современные, я путаюсь в них, в своих чувствах, в событиях. Хотя меня тренируют, и в образ я давно вжился, но всего не предусмотреть. И при столкновении времен в одном сознании я часто испытываю шок. «Надо сосредоточиться, – говорят мне коллеги, – ты отправляешься!»

Легкое помутнение, и я настраиваюсь на другую волну. Вот уже я в Египте, я – Джосер, а передо мной чернородое мрачное существо в белом одеянии и бутафорском головном уборе. Может быть, сегодняшний сон так на меня подействовал, но у меня появляется стойкое ощущение, что один из нас точно призрак. Если не идти на поводу у чувств и логически разобраться в ситуации, то призрак – это я, мое тело в 1998 году нашей эры в Москве, а передо мной один из десяти верховных жрецов и зовут его Фаттах, и он живет реальную жизнь в реальном государстве. В руках у меня какая-то чаша с благоухающей темной дрянью, эту жидкость я недавно изобрел, а теперь заканчиваю расписывать Фаттаху все достоинства находки:

– ...и подлый враг будет изобличен.

Мое сознание все еще претерпевало раздвоение, наверное, как у профессионального актера, рыдающего и наблюдающего за собой с мыслью: «Черт возьми, до чего я сегодня фальшивлю!»

Мысли текли быстро: «Какой враг? При чем тут враг? Какая связь между изобличением и этим зельем? Надо бы закончить речь, пусть что-нибудь скажет Фаттах, может, все и прояснится».

Отцепив одну руку с огромными тяжелыми кольцами на пальцах от чашки и приложив ее к груди, я говорю:

– Ради процветания и покоя царства тружусь не покладая рук денно и ночью, при свете божественного Эль-Хатора, при смутных лучах Сурана и Таша... И во тьме крошечной!

Фаттах, как чопорный последователь дворцового этикета, пропускает шутку мимо.

– Хорошо, – говорит он, – ты будешь вознагражден по заслугам.

– Первым из чаши изопьет клятвопреступник Сепр, – продолжает Фаттах, – и немедленно. Прошу следовать за мной.

И я последовал. Долго мы шаркали сандалиями по узким коридорам, то опускаясь по крутым ступеням, то поднимаясь, проходя пандусы, залы, минуя внутренние дворики с фонтанами и каменными изваяниями крылатых и когтистых тварей с лицами людей и людей с головами птиц и диких животных. Особенно не понравилась мне корова с пухленьким женским личиком, четыремя ногами в ботинках и хвостом павлина. Меня даже слегка замутило, как при «перемещении». Если бы эта статуя сохранилась до наших дней, то современные египтяне сами бы сломали это чудище, чтобы

не отпугивать туристов.

В итоге мы оказались в подземелье, отведенном под хранилище, совмещенное с тюрьмой. Построен 3,5 тысячи лет назад на земле вообще было не много, поэтому площадь сэкономили.

– Введите, – сказал Фаттах стражникам.

Стража ввела клятвопреступника. Вид у него был жалкий, он трясся то ли от малярии, то ли от страха, то ли от нервной дрожи. Мало кто теперь узнал бы в нем одного из бывших верховных жрецов. Одежда изодрана, синяки и кровоподтеки.

– Подлый Сепр, – произнес Фаттах, – ты упорствуешь во лжи?

Сепр молчал и трясся, а один из тюремщиков откликнулся:

– Упорствует, достославный!

– Дай ему глоток, мудрейший, – сказал мне Фаттах.

Я подошел к клятвопреступнику и поднес к его губам чашу с зельем.

– Я умру в мучениях? – спросил тихо Сепр, глядя мне прямо в глаза.

Мне было тяжело. «Идиот, – думал я, – так тебе и надо, путешественник по эпохам! Конечно, идет жестокая борьба за власть между жрецами. Сепр уже третья жертва, нас осталось семеро. Мы, естественно, будем методично друг друга уничтожать, вначале сбиваясь в коалиции, потом предавая

союзников по коалиции. Как ты хотел остаться чистым в этой ситуации? Как ты вообще собирался стать фараоном? Раньше надо было думать, перед тем как соглашаться на эксперимент!»

– Пей и не спрашивай, – приказываю я.

Сепр глотает с усилием и сползает по стенке на пол. Его перестало трясти, он смотрел в одну точку, тяжело дышал. И вдруг он заговорил, как заведенный.

– Писца! – закричал Фаттах. – Быстрее!

– ...и речи вел против верховных жрецов, а также помышлял сообщество собрать единогодушных смутьянов и осквернять прах царей, а также порчу наводить на честных сподвижников, а также подбивал на действия против богоподобной и луноликой...

Писец лихо строчил своим маленьким кайлом.

«Грамотный, – подумал я почему-то с ненавистью к этому простому чиновнику, – и почерк, наверное, разборчивый».

– Ты получишь награду немедленно, мудрейший, – сказал мне Фаттах.

Всего двое из всех верховных жрецов отвечают за сокровищницу и имеют в нее доступ без ведома царицы: Фаттах и Хахаперрасенеб. Было бы логично, что они должны возглавить коалиции жрецов, борющихся между собой за власть. И тех из верховных жрецов, кто еще не успел примкнуть к кому-то из них, скоро не будет в живых. Значит, мне предстоит нелегкий выбор.

Мы тронулись в обратный путь из хранилища-тюрьмы мимо курносой коровы в ботинках и павлиньих перьях.

Получив в награду скарабея из берилла, я зашаркал к своему дому. Было жарко, тихо и невыразимо скучно. В своем, так сказать, доме встречен я был рабами, раздет, омыт, размассирован, умащен, одет, уложен на деревянный лежак и накормлен воблой, рисом и изюмом, фаршированной травой куропаткой и инжиром, а также напоен невыносимо мерзким белым приторным пойлом. Наконец меня оставили в покое, впрочем, ненадолго. За время краткого своего одиночества я понял, что пора сделать выбор и примкнуть к какой-то из коалиций. Вряд ли меня спасет то, что я лечу царицу, жрецов и другую знать. Наверное, в Египте, даже таком древнем, можно найти другого врача. Интересно, какова численность населения этого государства? Пожалуй, если все-таки Джосер станет фараоном, надо провести перепись населения. Первую в истории человечества... Есть и другой интересный вопрос: почему Фаттах называл Сепра клятвопреступником? Какую клятву он мог преступить? Стоп... Клятвы вроде бы полагалось давать во время обряда посвящения. Главная клятва – о неразглашении тайны обряда... Сболтнул кому-то лишнее? И всего-то?..

Я был как марионетка: знал свою роль назубок, каждое грядущее движение, каждое слово на завтра, каждый шаг свой. И при этом ничего не понимал толком.

На четвереньках вполз раб.

– Владетель, – прошептал он, – мы омываем стопы Тету.

– Счастлив порог, переступаемый гостем, – изрек я.

Внесли верховного жреца Тета, неминуемого сподвижника Фаттаха...

– Будь благословен, славный Тет, воспевающий богоравных! – брякнул я.

– Храни Эль-Хатор мудрого Джосера, видящего в очах светил отражения наших судеб! – бойко отбарабанил Тет.

Словоблуд он был изрядный. Такие люди в наше время легко становятся министрами иностранных дел. Дипломатичен и льстив.

Надо полагать, он будет в закамуфлированной форме предлагать мне союз с Фаттахом. Мне же надо в очень закамуфлированной форме дать ему понять, что я уже давно душой в их рядах.

Мы вступили в долгую пустопорожнюю беседу, запивая мумифицированную воблу приторной белой эмульсией. Когда Тет убедился в моей полной лояльности, он перешел к формальной части своего визита.

– Луноликая белочка... – начал он.

Я сразу подумал о корове в ботинках – и голова закружилась почти привычно.

– ...желает, – продолжал Тет, – чтобы мудрейший Джосер изъяснил ей предначертания небес на ближайший месяц Плодоносящей Пальмы сегодня вечером.

Я отвечал:

– Сердце мое просияло, а небеса обратили взоры свои на лик, вопрошающий их.

До вечера толк я в ступочках притирания, румяна, тени для век и блески на виски.

Затем разлил и разложил все это по флакончикам, переделся в желтую хламиду и отправился на свидание к Хатшепсут, холодея на этой треклятой жаре и почти трясясь, как несчастный клятвопреступник Сепр, которого уже, наверное, куда-нибудь замуровали.

«...»

Лилово-серая марлевка из моего сна. Ни одного украшения. Только на узкой костлявой правой лодыжке тонкая золотая цепочка.

У нее был немигающий взгляд и неестественно прямая и длинная шея.

– Подойди, – сказала она.

Голос флейты или дудочки.

Я подошел, пал ниц, поцеловал мозаичный пол у ее ног.

Она нетерпеливо пошевелила длинными тощими пальцами в пляжных сандалетах и порывисто вздохнула. Запах лаванды и солнца. Запах экзотического зверька.

– Оставьте нас, – приказала она.

Нас оставили.

– Предсказатель, я хочу знать, сбудется ли тайное желание мое.

– Как гадать, дважды прекрасная Хатш? – спросил я. – По

внутренностям пернатых или по расположению светил в час, указанный тобой?

– И так, и так, – ответила она бездумно.

– Тогда прикажи принести к жертвеннику птицу.

Костлявой и цепкой золотистой рукой взяла она лежащий на маленькой мраморной колонне букет металлических и стеклянных колокольчиков и с силой тряхнула ими над головой. Звон. В некотором роде напоминающий аккорд. И какофонию тоже. Или плач.

Вошел верховный жрец Джаджаеманх. Он был самый старший из жрецов. Поэтому, когда в три года Хатшепсут осталась без родителей, он постоянно находился с ней, занимаясь ее просвещением и воспитанием. С последним выходило совсем плохо, царица росла разбалованной и капризной.

Своих детей у Джаджаеманха не было, и от врожденной жалости он никогда не наказывал девочку.

– Принеси птицу, предназначенную для приоткрывания завесы над ожидающим нас, – сказала она.

– Воля луноликой – закон, – склонился Джаджаеманх, пятясь к двери.

Воспользовавшись паузой и с трудом отводя взгляд от ее бирюзовых длинных глаз (никому не полагалось по этикету подолгу пялиться на царицу), я проартикулировал:

– Прими, о возвышенная богами среди прочих, скромные подношения от робкого раба твоего: иби, мирру, притирания, нуденб, хесант, нами, уауати и храмовый ладан.

Что такое уауати, например, я и сам не ведал. Но бойко передавал свои баночки и скляночки.

Легкий румянец. Голос ее стал совсем низким.

– Тот из ликов моих, который обращен к Бает, богине Бу-баста, улыбается тебе с особой радостью, Джосер. Я положу твои подношения в эбеновую шкатулку, привезенную для меня Хахаперрасенебом из Земли Великой Зелени.

Она напоминала дитя, одаренное долгожданнами игрушками. Приоткрыв одну из склянок, Хатшепсут провела по вискам содержащейся под притертой пробкой пахучей пакостью. Потом вынула из волос гребни. Сняла обруч. «Запах ее волос пропитал одеяния мои».

Вошел жрец-чтец с несчастной птицей.

– Жрец Мельхисидек, о луннолика, поведал мне, недостойному твоему апру, что сегодня именно сей птице должна быть оказана честь.

Ей и была оказана честь, бедной твари, напоминающей куропатку. Царица не соизволила воспользоваться ритуальным обсидиановым ножом. Она попросту, правда, не без усилия, оторвала куропатке голову. Некоторое время я тупо смотрел на окровавленные смуглые пальцы царицы. Потом на ее оживившееся, наполнившееся чем-то темным лицо. На один из ликов, как она выразилась. Или на одну из личин. Потом, повинуясь роли, я ловко распорол брюхо и грудину пташки и принялся тарашиться в еще теплое ее тельце. На своем предплечье чувствовал я учащенное дыхание маленькой царицы.

– Что ты там видишь, Джосер? – нетерпеливо спросила она.

Я принялся плести околесицу про расположение сердца и печени пташки, попутно охарактеризовав содержимое зоба и желудка, а также цвет легких, уснащая свою речь многочисленными ноуменами и идиомами.

Пальцы Хатшепсут в ржавых потеках высохшей крови.

«Поделом тебе, идиот, – думал я, бойко отбарабанивая текст про содержимое зоба, – получай свой золотой век во всей красе».

– ...и твое желание, о высокорожденная Хатш, – мой монолог, по счастью, заканчивался, – сбудется не так, как ты ожидаешь.

Она озабоченно и угрюмо сдвинула брови. И пошла от жертвенника прочь, потирая руки.

У розовой каменной двери остановилась и оглянулась. Легкая горбоносая головка на неестественно длинной шее.

– Завтра верховные жрецы и будущие посвященные должны узреть меня на ступенях храма в Эль-Тейр, – сказала она.

– Да, высокомудрая, – ответил я, – им даровано будет бла...

Она прервала меня.

– Ты приведешь туда простолюдина Джеди, прорицатель, – и, не дожидаясь ответа, вышла.

«И запах ее волос пропитал одеяния мои».

Величаво и неслышно возник в поглотившем ее дверном

проеме верховный жрец Хахаперрасенеб.

Он был без причудливого головного убора, я чуть было не подумал – простоволосый, но жрец вообще волос не имел: его бронзовый череп поблескивал. Я глядел в лицо жреца: две резкие вертикальные морщины между бровями и две мощные складки от ноздрей к углам рта; морщинки у внешних уголков век и мешки под глазами; удлиненные причудливые уши фавна с буддийскими мочками. Он был фантастически похож на собственную статую, которой еще не существовало. Фотография этой статуи с отбитым носом висела над моим письменным столом в том времени, из которого я прибыл.

– Иди за мной, о Джосер, – сказал жрец.

Целью нашего путешествия была, конечно, царская сокровищница, где мне предложено было выбрать, что я пожелаю. В соответствии с этикетом ломаться не полагалось и жадничать тоже. Я скромно взял прозрачное хрустальное яблоко для охлаждения ладоней в жару.

«А ведь сейчас пришла настоящая удача. Оказывается, Джели – реально живущий человек. Мы все полагали, что это мифический персонаж. Когда расшифровали запись на табличке, упоминавшей о нем, все решили, что это какая-то сказка. Надо бы припомнить этот миф, что-то такое интересное Джели сделал, ведь его знал каждый житель Египта».

Выйдя из дворца, жрец, продолжавший провожать меня через сад, сбавил скорость и чуть изменил осанку. Сейчас он

должен как-то узнать, не вступил ли я в союз с Фаттахом, или предолжить мне примкнуть к его сторонникам. Ему сложно, он честный и прямой человек, плохо владеющий приемами подковерных войн. Лучше я сам отвечу ему:

– Я знаю твои мысли, достойнейший Хахаперрасенеб. Ты можешь быть уверен, я не буду изменять порядка вещей, установленного Богом, и жизнь богоизбранной Хатш для меня дороже собственной. Лучше скажи, где найти мне простолоудина Джели?

Хахаперрасенеб с облегчением и удивлением оглядел меня.

– Зачем же тебе Джели, мудрейший Джосер, да одолеет твой дух врагов твоих?!

– Луннолика повелела мне увидеться с ним, – отвечал я, напыжась.

Хахаперрасенеб насупился и опять засомневался.

– Что предсказал ты ей, мудрейший? Почему великая и прекрасная Хатш решила обратить взоры свои к чудодействию простолоудина? Неужели наших знаний и нашего могущества ей недостаточно?

Жрец, насколько я помнил, был блистательным для своей эпохи астрономом и математиком, химиком и филологом. Именно ему принадлежала идея создания сводных таблиц иероглифической и демотической записи. То, что мы сейчас разбираем на древнеегипетских табличках, написано на алфавите, разработанном Хахаперрасенебом.

– Ведь Джеди разгадал для царицы число тайных покоев Тота, чтобы построить подобные в новом дворце?

– Ничего не сокрыто от вещей глаз гадалея, – холодно отвечал жрец.

Тут мы опять продолжили движение к выходу, и он про-
ронил:

– Дом Джеди ты найдешь у развалин древней царской крепо-
сти, что у Восточных Врат.

Возле обелиска, окруженного великолепной семеркой ка-
менных кошек, Хахаперрасенб положил мне на плечо тяже-
лую от груза знаний, лет и перстней-печаток руку:

– Поведай мне, о мудрейший Джосер, есть ли у тебя по-
ручение от царицы к простолюдину Джеди?

Это было как-то не по сценарию и совсем не по этикету,
он смотрел прямо в глаза, я чуть просрочил реплику, и он
добавил:

– Я не требую у тебя раскрытия тайны беседы с сиятель-
ной; ответь мне только, есть ли поручение?

Врать было нельзя, надо было прямо и честно отвечать.

– Нет, достойнейший из достойных, – сказал я.

– Я тебе верю, – сказал жрец опять не по этикету и, повер-
нувшись ко мне спиной, быстро зашагал прочь. Тоже не по
этикету, но все-таки он продемонстрировал мне ответное до-
верие. Отойдя метров на пятнадцать, он обернулся и сложил
руки в приветственном жесте, приняв позу своей будущей
статуи. Я поклонился в ответ, вполне искренне. Среди вер-

ховных жрецов, разумеется, попадались всякие, но к Хаха-перрасенебу я испытывал уважение. Еще в моем настоящем времени читал я и его трактаты о путешествиях и предсказаниях, песни и обращения к потомкам; я неплохо знал его, как мне казалось. Что касается простолоудина Джели, о котором весь наш институт думал как о лице вымышленном, оказывается, он обитал в этой действительности. И через несколько минут я успешно представился апру, омывшему мне ноги в затененном внутреннем дворике, и вошел к нему в дом.

Джели встретил меня в четырехугольной комнате с очагом и маленьким бассейном. Красные рыбки плавали в воде на фоне ярко-зеленых плиток дна.

– Мир тебе, входящий, – сказал хозяин, поднимаясь мне навстречу.

Странно короткая формула приветствия, здесь обычно здоровались по пять минут рядом. Я чуть было не ответил: «Привет!» Но воздержался и вымолвил:

– Мир и тебе, Джели.

Он оценил мою ответную лапидарность и улыбнулся. Чем тотчас же очаровал меня.

– Я – Джосер... – начал было я.

Но он перебил меня:

– Ты уже называл имя свое апру. И потом я узнал тебя, верховный жрец. Ты меня не так понял. Не невежливость и не неведение было в моем приветствии: «Мир входящему».

У простолоудина Джели была приятная привычка смот-

реть в глаза. Я почувствовал к нему доверие и чуть было не забыл о своем Джосере. Но и сам Джосер, видать, подзабыл текст:

– Я думал, ты старше, Джеди.

– Я уже выбился из молодых ведунов, – быстро ответил Джеди, посмеиваясь, – но не вполне дорос до старого колдуна, ты хочешь сказать?

Джосер, то есть я, взял себя в руки и набрал воздуха в легкие:

– Дважды осиянная Хатш повелела мне, предпоследнему рабу ее, прийти завтра к храму Эль-Тейт-Маат-Ра вместе с тобой.

– Вот как? – удивился простолюдин. – А что будет, если я не пойду?

Воцарилось молчание.

– Мало ей Сепра, Уаба и Либера, – внезапно заговорил Джеди, – и всех посвященных оптом и в розницу; еще и я понадобился.

Я остолбенел. Такая просвещенность о дворцовых интригах у обычного простолюдина? Откуда он знает о всех жертвах?

– Не пугайся так, Джосер, на жаре страх вреден; я просто размышляю вслух. Может, мои размышления и тебе помогут?

«А вдруг он прав? Может быть, Фаттах слепо исполняет волю Хатш? Может, нет никакого заговора против ее власти?»

Но что же тогда происходит?» Я совсем запутываюсь. Джеди понимает мое состояние и старается облегчить мою задачу:

– Я должен зайти за тобой на рассвете?

– Да, с первыми лучами светила.

– Зайду, стало быть, – говорит Джеди беззаботно.

Приблизился звон, схожий с плачем, пчелиная додекафония. В дверном проеме появилась девушка в венке из бубенчиков и колокольчиков – таких же, как в букете царицы.

– Это Ка из Библа, – представил Джеди.

– А это мудрейший Джосер по приказу государыни. Принеси нам что-нибудь.

Опять меня потчевали воблой с эмульсией, ягодами шелковицы, лепешками и мясом ягненка, утопающим в зелени. Последнее напоминало блюдо из фешенебельного московского ресторана.

– Погадай мудрейшему, Ка, – сказал Джеди.

Она робко взяла мою ладонь, вопросительно посмотрела на Джеди. Тот кивнул. Тогда она сказала:

– Ты не веришь сам себе, Джосер. На время ты потерял лицо. Но ни один из трех Джосеров – бывший, настоящий и будущий – не вспомнит, что их трое. Тебя ждет блистательное и величайшее завтра. Карлики будут плясать у входа в гробницу твою. Вот только выдержишь ли ты ниспосланное тебе испытание, я не знаю. И еще: береги свое сердце, Джосер, лучше прикрикни на него как следует.

Я молчал. Голова кружилась, сердце изнемогало. Неужели

та, которую я люблю, жестокая и глупая убийца?

– Ступай, – отпустил Джели свою девушку. – Я не хочу, чтобы Джосер в ответ погадал тебе.

Ка исчезла.

– Мне пора покинуть твое благословенное жилище, – сказал я, вставая.

– Мое благословенное жилище, в которое внес ты крокодила из воска, а он, того и гляди, оживет.

«Крокодила из воска?» – что это, мучительно вспоминал я, но так ничего и не вспомнил. Хозяин вышел со мной на раскаленный песок. «Мало ей Сепра...» – вспомнил я; потом вспомнил Сепра, зелье, корову в ботинках – в глазах побелело.

«...»

Сны снились кошмарные. Пограничные между моими и джосеровскими. Фигурировал в них и Джели – в качестве посланника из 3003 года нашей эры. В итоге прошлое и будущее смыкались подобно ленте Мебиуса, что бесповоротно разрушало настоящее.

Наконец меня разбудили. Крошечный чадящий керамический светильник. Мерзкий запах экзотической свежеизготовленной кормежки. Тени на потолке; Джели, пришедший ко мне на рассвете.

– После дурного сна, – посоветовал он мне, – хорошо пить вино по-гречески.

Мы уже шли по просыпающемуся городу. Я спросил:

– Что ты говорил вчера про крокодила, простолюдин?

– Право, не помню. Должно быть, приплел свою любимую поговорку из страны Иам: «Не бросай песком в крокодила, все равно это не приносит ему ущерба».

Я не стал вдаваться глубже в крокодиловую тему.

– Ты был в стране Иам?

– Да, – отвечал Джеди, – я был и в стране Иам, и в стране Иемех, и в странах Ирчети Мушанеч. Где я только не бывал.

На голову статуи великого правителя Ме упали солнечные лучи. Инкрустированные глаза правителя сверкнули, когда мы проходили мимо.

– Песок в сандалиях твоих... – сказал Джеди.

– Что ты сказал?..

– Это стихи, прорицатель. Любовная песня у закрытых дверей любимой.

– Ты идешь к храму с любовной песней на устах? – спросил внезапно появившийся за нашими спинами Хахаперрасенеб.

– По-моему, это ты идешь к храму на устах с таковой, Хахаперрасенеб.

На сей раз голый череп жреца прикрыт был высоким ступенчатым головным убором. Лицо, как у собственной статуи. Бронза, зачеканенная до предела возможностей.

– Ты стал дерзок, Джеди. Не боишься так говорить со мной?

– На жаре страх вреден. К тому же не тебя мне сейчас

следует бояться.

– Ты боишься себя?

– Нет. И даже не ополоумевших мальчиков, готовых на все, что бы царица ни приказала. Мужского ума хватит разве что на то, чтобы убить. Тут и бояться-то нечего.

– Вот как! – воскликнул жрец.

Я почему-то все больше верил Джели, какая-то пелена спадала с моих глаз. Царица руками Фаттаха и, может быть, чьими-то еще совершает убийства. Но зачем? Даже Джели этого не знает, а ведь он – единственный человек, который может знать все.

Мы помолчали. Потом Хахаперрасенеб сказал:

– Я понял тебя, Джели. Я тебе не враг.

– А я всегда это знал, – ответил простолюдин.

И мы пошли дальше.

По пути я переосмыслил вчерашний разговор с Хахаперрасенебом. Странно, ведь я сказал ему все, что он хотел услышать, хотя ситуацию я понимал диаметрально противоположным образом. Да, бывает и так.

Началась торжественная встреча жрецов с царицей. Все, что было дальше, я воспринимал обрывками, как кадры из фильма. Меня на самом деле не покидало ощущение, что я присутствую на голливудских съемках.

Ступени врезанного в гору храма. Ступени – площадь – ступени – площадка – и собственно храм. Группа жрецов в белом и золотом. Хатшепсут в серо-лиловой марлевке. Улы-

бающийся Джеди. Голубое небо и колоссы статуй, выступающие из скал. Священные кошки, шляющиеся под ногами, живописными компаниями греющиеся на солнце, прижмуривающиеся. Неправдоподобно хорошая видимость. Преображенное утром и гримом лукавое застывшее лицо царицы. Поедающие ее глазами жрецы. Запах благовоний, сжигаемых на жертвенниках.

– Подойди ко мне, простолюдин, – проворковала Хатшепсут, чуть закидывая голову.

Джеди приблизился.

– Сейчас сюда придут юноши, которым суждено стать жрецами в наших храмах. Им предстоит вкусить одиночество в кельях среди скал. Что ты скажешь о празднике одиночества, Джеди?

– Я провел годы в одиночестве, – отвечал тот. – И лишь сердце мое было другом моим, и то были счастливые годы.

– И ты не знал ничьих объятий в те годы? – звенел голосок флейты.

У моей божественной Хатшепсут на ступенях храма откуда-то взялись черты блудницы вавилонской. Или девки с Тверской. Второе точнее.

– Я лежал в зарослях деревьев в объятиях тени, – отвечал Джеди.

– Не ты ли, о Джеди, сочинил песенку, в которой есть слова: «И запах ее волос пропитал одеяния мои?»

– Я не сочинял ее. Все, что я знаю об этой песенке, – она

не для хора. По-моему, ее сочинил Сепр.

Царица вскинулась.

– Правду ли говорят, – голос ее стал низким, – будто ты можешь соединить отрезанную голову с туловищем?

– Могу, о царица, да будешь ты жива, невредима и здрава!

– Пусть принесут из темницы тело обезглавленного узника и голову его.

Джеди сказал хрипло:

– Только не человека, царица, – да будешь ты жива, невредима и здрава! – ибо негоже совершать подобное со священной тварью.

– Тогда принесите птицу! – крикнула Хатшепсут. – Принесите гуся и отрубите ему голову!

Уже несли гуся – очевидно, приготовленного загодя, – уже кровь его обагрила жертвенник, а простолюдин все глядел на царицу и глядел – неотрывно.

– Ну! – крикнула она.

Медленно он поплелся к жертвеннику. Мне не было видно, что делал он с гусем, и не было слышно, что шептал Джеди, – а губы его шевелились, и должен же был он что-то шептать. Жрецы обступили жертвенник. Хатшепсут сидела, вцепившись в подлокотники каменного кресла. И тут гусь загоготал. Джеди спустил гуся на площадку. На шее птицы перья и подпушь слиплись от крови; гусь неуверенно ходил, растопырив крылья, и орал.

– Все видели! – воскликнула царица. – Каково искусство

Джеди видели все? А он в свое время отказался от посвящения в жрецы. Он ведь не входит в число жрецов, так, Хаха-перрасенеб? И я плохо помню, почему?

Жрец нехотя отвечал:

– Он не пожелал пройти первое испытание обряда.

И добавил, наклоняясь к ней:

– Но это было так давно, царица.

– Не так давно, жрец, – отвечала она. И продолжала: – Я оценила твои чары, Джеди; не откажи показать их еще раз. Приведите быка!

Видок у нее, надо отдать должное, был распоясавшийся. Я не знал, что и думать.

Быка привели, обезглавили, испоганив белые ступени вконец. Джеди стоял на коленях перед тушей, и снова жрецы в золотом и белом загораживали простолоюдина.

Зато я слышал короткий и тихий диалог царицы и Хаха-перрасенеба:

– Ты слишком увлеклась заморскими снадобьями; ты не в себе, царица, уймись, очнись.

– Уж не думаешь ли ты, что можешь указывать мне, жрец? Или ты бесишься, глядя на Джеди?

Ты жрец, но ведь и я жрица – жрица богини Бает! По обряду-то я даже и не жрица. Я – сама богиня Бает. У Джеди свои чары, а у меня свои. И все им подвластны. Про меня еще легенды сложат, жрец. Имя мое будет у всех на устах: Хатшепсут, богиня любви...

Голос быка. Кольцо зрителей размыкается. Все отшатываются.

– Я – Хатшепсут, богиня любви, – продолжает она упрямо, – а это превыше всех твоих премудростей, нелепый ревнивый Хахаперрасенеб. Ты помещаешься у меня на кончике мизинца. И я превращаю тебя в ничто, когда захочу.

Ситуация складывалась критическая. Конечно, жрец, несмотря на свою мудрость, ни в чем не убедит капризную царицу. А крови еще прольется много. Надо думать! Решение в любой критической ситуации всегда где-то на поверхности. Что-то было в Псалмах: «Славьте Господа, Славьте Бога Небес, ибо поразил Египет в первенцах его...». Думай! Стоп! Еще раз стоп! Стоп-кадр из моего сна... Хатшесуп поворачивается ко мне и впивается в меня бирюзовым взором или изумрудным... Большие прекрасные глаза, почти без зрачков... «Чему тебя учили столько лет, идиот! Глаза без зрачков – опьянение от опиодного наркотика. Неуправляемая... Деградирует... Уауати?..» Я делаю шаг назад, приближаясь к Хатшепсут спиной.

Впереди нетвердо поднимается на ноги бык. У него красные глаза, его бьет дрожь. Белая одежда Джели вся красная и мокрая от крови. Теперь бы я не рискнул сказать ему, что он молод.

– Итак, – говорит царица, прерывая восторг жрецов, – ты управился и с гусем, и с быком, простолюдин; но ведь ты можешь и человека обезглавленного оживить?

– Только не человека, царица, – еле ворочая языком, говорит Джеди, – да будешь... ты... жива... невредима... и здрава... ибо негоже...

– Ну да, ну да, – говорит она упоенно, – негоже совершать подобное со священной тварью; так то со священной, Джеди, а тут такая незадача случилась: торговец из Библа приказал вернуть беглую рабыню свою, шлюху, а люди перестарались – чем-то взбесила, видать, она их – вот и отрубили ей голову.

Джеди только встал с колен и принесли то, что осталось от Ка. И снова встал на колени. И снова плотное кольцо жрецов в мертвом молчании обступила его.

В этот момент я резко развернулся, и моя рука автоматически залепила царице сильную пощечину. Хахаперрасенеб даже не успел понять, что произошло. Секунду подумав, я вплепил ей вторую с другой стороны, для симметрии. Теперь у Хатш горели обе щеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.